

18+

Павел Шилов

Выстрел из вечности

Павел ШИЛОВ

Выстрел из вечности

«Издательские решения»

Шилов П.

Выстрел из вечности / П. Шилов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745975-8

В книгу Павла Шилова вошли рассказы, повесть «Новое ружье» и роман «Выстрел из вечности». «Прототип героя Владимира Сокова, жил в нашей деревне, от которого я много узнал. Ведь это он делал гробы для немцев, и полицаев, и у него была женщина, родившая ему на Украине двух сыновей. Его сынок зарезал своего друга, и всю жизнь скитался по тюрьмам. Жена у него была такая, как описана в романе, да и тёща пыталась заниматься колдовством. Так что домысливать мне пришлось не много. Всё было наяву».

ISBN 978-5-44-745975-8

© Шилов П.

© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Сиротинушка	6
Взгляд старухи	8
Зарубки на ноже	11
Невеста	15
Дерево смерти	22
Несказанное слово	31
Трагический обман	36
Черёмуха – волшебница	42
Ошибка молодости	45
Тонкая душа	48
Шут гороховый	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Выстрел из вечности

Павел Шилов

© Павел Шилов, 2020

ISBN 978-5-4474-5975-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Сиротинушка

Полночь. На небе яркая луна. На черёмухе у дома ни одна веточка не шелохнется. Алексей Расторгуев возвращается от девушки домой. Это по матери он Расторгуев, а по отцу?.. Вот уж двадцать два года, как он Расторгуев, но парень не отчаивается. Он любим, да и сам любит, а осенью у него должна быть свадьба. Домой он шёл не спеша, думал свою думушку, а перед глазами стояла его девушка Галина, небольшого росточка, ласковая и всегда улыбающаяся. На губах он чувствовал её жаркий поцелуй и радовался своему счастью. Ни что не омрачало его жизнь. Он вошёл в калитку собственного дома и увидел сквозь занавешенные окна свет в доме. «Почему же мама не спит? – удивился он. – Ведь уже поздно».

Дверь в доме отворилась, и на пороге появился высокий мужчина. Алексей взглянул в лицо незнакомцу, ощутив на миг толчок в сердце. Ему показалось, что этого мужика он уже где-то видел и знает его уже давно, но вот кто он вспомнить не мог. Мать стояла в коридоре, печально сложив на груди руки, и по щекам её текли две крупные слезинки.

– Кто это? – спросил Алексей у матери.

Мать долго молчала, а потом ответила:

– Сиротинушка.

– Ты что, мама? Какой сиротинушка?..

– Сиротинушка, он и есть сиротинушка.

– Толком скажи кто это, ведь уже глубокая ночь.

– Толком, толком, – рассердилась мать, – да отец твой кровный, вот кто.

– Как же так, ведь он погиб в автомобильной катастрофе сама сказала, – закипятился сын.

– Замолчи. Как я могла сказать тебе, что я пригуляла тебя, и чтобы ты тогда обо мне подумал? – вздохнула она с болью в голосе и зарыдала, да так горько, что сын не знал, как её утешить.

– Ты что, любила его? – спросил он примирительно.

Мать молчала, только слёзы обильно текли по щекам.

«До сих пор любит», – подумал Расторгуев о матери и притих. Говорить больше ему не хотелось.

Между свисающих ветвей черёмухи он увидел на скамейке мужчину.

– Мама, вона он сидит. Я пойду, набью ему морду, – сказал сын.

Мать очнулась, обвела его взглядом и, поняв суть дела, выдохнула с присвистом:

– Не смей! Он сам себя наказал.

– Скажи тогда хоть как его фамилия?

– Толя Гуляев.

– Пойду, загляну тогда в его глаза. Может быть, проклянется в его душе что-то отцовское.

И кому я обязан своей безотцовщиной.

– Иди.

Расторгуев вышел, тихо прикрыв за собой дверь в дом. Он сел с краю скамейки рядом со своим кровным отцом. Молчали. Гуляев, глядя на парня, не выдержал:

– Чего, парень, такой кислый? Мне бы твои годы.

– А что бы ты сделал?

Гуляев сейчас посмотрел на парня внимательно, подумал: «Молод ты ещё, глуп, хотя тебе уже за двадцать», и выдавил из себя:

– Куль я пустой, понимаешь?

Расторгуев не ответил, злость и обида бушевали в нём. Он еле сдерживался.

– Эх, молодость! – погрузился Гуляев, – сколько было всего. А какие были у меня красотки, боже!

Гуляев стал вспоминать женщин и девушек. В голове у Алексея стало мутиться, а Гуляев всё вспоминал и вспоминал. Лиза Расторгуева, вдруг услышал Алексей фамилию матери, год рождения, должность.

– Замолчи гад, – взорвался вдруг он, – как тебя только земля носит? Подонок!

Он уже хотел влить хорошую оплеуху этому ненавистному человеку, но услышал голос матери:

– Алексей, не смей!

Расторгуев отпрянул, сплюнул и направился в избу. Мать за ним. На её лице было написано:

«Ну как он?»

– Куль пустой, вот как, – ответил словами Гуляева Расторгуев.

– Куль он и есть куль, – вздохнула мать и посмотрела на растрёпанную постель, стол, где стояли две стопки и початая бутылка водки.

– Где ты его сейчас откопала?

– Случайно встретились на дороге между деревнями. Он меня не узнал. Я сама его окликнула. Он приехал из Москвы в отпуск.

– Он женат?

– Не знаю.

Мать и сын подошли к окну. Анатолий Гуляев так же сидел на скамейке и смотрел себе под ноги, потом медленно поднялся и пошёл.

Мать прошептала:

– Сиротинушка.

– Куль пустой, – продолжил сын.

Вскоре фигура Гуляева пропала за деревянными избами.

– Алексей, жениться-то думаешь? – спросила мать.

– Осенью, – ответил Алексей, – деньги на свадьбу копить надо.

«Хорошо, – подумала мать, – дай бог, чтобы сын был счастлив».

На востоке стало подниматься яркое солнце, оно осветило сад, веранду, скамейку, и то место, на котором только что сидел Анатолий Гуляев.

– Ходит, как неприкаянный по земле, без души, без сердца. Такая уж его миссия на этом свете. Сиротинушка, – всхлипнула она, потрепав свои длинные чёрные волосы, распущенные по плечам, и по щекам её текли крупные обильные слёзы. В то время ей было где-то чуть-чуть за сорок.

Взгляд старухи

Конец сентября. Я выхожу дворами на улицу Советская. Чтобы перейти её, нужно пропустить целый поток машин, идущих на большой скорости. Падают жёлтые листья и, кружась в воздухе, медленно оседают, исполнив последний свой долг пребывания на земле. Из-за девятиэтажных домов косыми лучами светит солнце. Поток машин не кончается, а мне так не хотелось идти к переходу, это очень далеко. Я спешил. Но машины всё шли и шли, будто со всего мира на этой улице

– Мальчик, ты что делаешь? Ведь ей тоже больно, – донёсся до моего уха нежный женский голос.

Я обернулся. В пятнадцати метрах от меня трёх – четырёхлетний крепыш с упрямым упорством прыгал на черепахе, которая, выпустив из своего защитного панциря голову и лапы, была неподвижна. Рядом стояла легковая машина. Высокий мужчина, убрав руки в карманы, холодными глазами смотрел на сына.

– Папа, чего она? – поджав обиженно губки, крикнул маленький истязатель.

Отец ленивой вальяжной походкой подошёл к старушке и, не мигая, долго пялил на неё свои водянистые глаза. Потом взял сына за плечи и сказал:

– Проваливай, бабка. Я рощу сына настоящим мужчиной. Хлюпать, да сюсюкать – женское дело.

«Постой, постой, – подумал я, – да это ж Колька Зверев, с которым я сидел за одной партией в деревне. Ну и дела!.. Оказывается и он перебрался в город».

Наши взгляды встретились. Он отвернулся, как будто меня не узнал, взял сына за руку, сел в машину. Двигатель взвыл, и «Волга» резко рванулась с места. Старушка подошла к уже мёртвой черепахе, взяла её в руки и стала палкой копать ямку.

– Успокойся, мать, – просипел я тихо и положил ей руку на плечо.

– Молодой человек, что же это такое? – всхлипнула старушка. – Наверное, человек образованный, денежный, а душа!..

Я выпрямился. И чтобы не видеть её глаз, пошёл. Мне было стыдно сказать, что с этим человеком я когда-то сидел за одной партией. Когда же это было? Лет пятнадцать назад, кажется. Прошли годы, мы стали взрослыми, но так ли? Основа жизни – детство. Что заложили там, то и будет в дальнейшем. Я чувствовал спиной взгляд старой женщины, и мне было нестерпимо больно, как будто не Зверев разрешил топтать черепаху своему сыну, а я сам прыгал и воинственно кричал и теперь меня уличили в постыдном. Душа плакала, мол, не я это, не я. Но чей-то давно забытый голос утверждал обратное: «А вспомни ястреба, которого вы поймали у реки. Что вы с ним тогда сделали. Забыл? Ну, всё понятно. Да, молодой человек, слаба у тебя память. Он готовил палюшку, чтобы сжечь птицу, а ты в это время с побитым носом в сторонке стоял. Нет бы попытаться убедить приятеля, ведь вы с ним когда-то были близки».

– Я всё, что мог, сделал, – оправдывался я, – против силы не попрёшь. Как он мне врезал!

– Врезал, и ты отступил – мужчина!

И тут я понял, что опять во мне стали бороться, как в детстве, совершенно два разных человека. Один ставящий всё под сомнение человек, другой покладистый и симпатичный, которого все уважают и любят. «Уйди от меня», – чуть не крикнул я ему, но во время очнулся, так как находился в автобусе и все бы меня посчитали за умалишённого. Я оглянулся, не смотрят ли на меня люди, но кто подрёмывал, кто разговаривал с соседями.

– Трус ты, Валерка Кожин, трус, – опять издевательски выдохнул тот другой человек. Как он во мне появился, сам не знаю. Видно, учительница по литературе глубоко сумела в мою душу посадить семена: «Прежде что-нибудь сделать, взвесь. Если событие свершилось, дай ему

оценку». Наанализировался на свою голову, породил в себе задиру, постоянно вставляющего палки в колёса моих мыслей. Ох! Как раньше хорошо жилось без анализа.

– В споре рождается истина, – говорила учительница Валентина Ивановна. – Но вопрос – с кем спорить, с приятелем, да, а если с самим собой?

– А всё же найду его и набью ему морду, если в детстве был слаб против него, то сейчас я уже ему не уступлю, служил в армии, в совершенстве владею приёмами защиты.

– Ты что, с ума спятил? – заговорил вдруг тот другой я. Ты что дитё?

– Так что же мне делать? – развёл я руками.

– Действовать. И как можно быстрее. Его не сумел воспитать, сына удержи.

Я попытался было встретиться с ним. В гор. справке взял его адрес, но к моему огорчению он уехал всей семьёй на юг. А потом в суматохе повседневности забыл о его существовании, но когда на меня накатывалось, я ощущал взгляд старухи, и тогда думал, что обязательно схожу к нему и поговорю. А что ему сказать, что? У него машина «Волга». Он просто может выгнать меня, не разговаривая.

Так я и не сходил. Не ровня он мне, не ровня. Он привык топтать слабых, а мне жаль каждое живое существо. У нас в деревне считалось, кто убьёт ядовитую змею – сорок грехов долой. Откуда это пошло, не знаю. Целое паломничество было на змей у ребят. Мы тогда не хотели думать, просто шли и били. Правда, я пытался палку под удар подставить или шумнуть, чтобы убежали они. Вскоре меня ребята раскусили и не стали брать с собой, дразня обидным прозвищем змеёныш. Я убегал или бросался в драку на обидчиков, но всегда был бит. Колька Зверев был предводителем змеиных набегов. У него было чутьё на змей. В нашей местности их было множество. И если ему удавалось захватить змею живьём, то он ножом надрезал небольшое деревцо и зажимал её в щели, потом прыгал около её и хохотал. А если рядом был муравейник, то балдэжь его был втрое больше. Он палками прижимал к земле змею, потом рукой брал её около головы и бросал в муравейник. Встревоженные муравьи набрасывались на неё. Змея извивалась, шипела, издавала звуки, но уйти не могла. Через некоторое время от неё оставалась одна кожурка.

– Моя работа, – проходя мимо муравейника, – похвалялся Зверев.

И вот как-то приехав в деревню, я пошёл за грибами. Проходя мимо старых муравейников, на одном из них я увидел змеиную кожурку. Она была ещё довольно свежая. «Колька опять здесь поработал, – подумал я, – ни как не может успокоиться. Ах, мерзавец!» Я увидел взгляд старухи. Он был тревожный и печальный. Её серые пронзительные глаза излучали боль и обиду на меня. И забыть этот взгляд было невозможно. Я долго стоял около этого муравейника, нахлынувшие чувства не давали мне сдвинуться с места. И тут, кто бы мог подумать, я ощутил на своём плече чью-то тяжёлую руку. Конечно, я вздрогнул. Передо мной стоял улыбающийся Колька Зверев, раздобревший, с сияющими чёрными глазами.

– Ха, – прорычал он, – какая встреча, Валерка Кожин. Давай обнимемся да поцелуемся, ведь мы друзья детства. Ты видишь, какая работа – сорок грехов долой. То-то!.. Как бы сквозь лес я опять увидел взгляд старухи. Он от меня чего-то требовал, чего-то просил.

– Николай, зачем ты это делаешь? – спросил я его. – Взрослый человек.

– Эх, Валерка, Валерка! Ты так ничего и не понял. Да я помогаю слабым. Сколько бы эта змея сожрала лягушек, птиц. А я вот грохнул её и дело в шляпе.

– А черепаха зачем твой сынок растоптал в городе?

– Ты что, видел? – сверкнули его глаза.

– Да, друг мой, представь себе, видел.

Он подошёл ближе, вздохнул:

– Здесь лес. Не боишься?

– Представь себе. Я уже страх потерял.

Он вытащил большой самодельный нож и, играя им в руках, стал подходить, потом просипел сквозь зубы:

– Этот муравейничек, видно, для тебя, парень.

– Ну, ну, – вздохнул я, – bravo. Ты так, Колька, ничего и не понял.

Я услышал скрип зубов, потом ощутил резкий бросок в мою сторону. Сверкнул нож, но я применил приём захвата и выбил его у него. Он завыл от боли. Вскоре его морда уже торчала в муравейнике. Муравейник был огромный. Муравьи строили своё жилище не один год. Он верещал:

– Валерка, Валерка, прости. Больше не буду. Я хотел пошутить, а ты подумал всерьёз. Они сейчас мне глаза выгрызут.

Я отпустил хват, так как муравьи начали напоззть и на меня. Взгляд старухи меж деревьев появился внезапно. Он улыбался, и мне казалось, она говорила: «Так его лиходея, так, но учти, парень, этого он тебе не простит. Будь начеку. У него вся морда в крови. Здорово муравьи постарались».

Зарубки на ноже

Наша рота совершала марш-бросок по пересечённой местности. Тяжёлые вещмешки оттягивали плечи, сгибали спину. Оружье, что мы несли, казалось таким, что руки уже не в силах были держать его. К тому же ещё накрапывал мелкий дождь, одежда прилипла к телу и ноги стали ватными, не поднять, не шагнуть вперёд. Солдаты растянулись по всей дистанции. И уже ни окрики, ни понукания не действовали. Нужна была какая-то встряска, которая бы придала новые силы. Но её-то как раз и не было. Видя, что всё летит в Тартары, и мы не придём к месту сосредоточения вовремя, командир роты не утерпел и, увлекая нас, рванулся вперёд. Но и это не помогло. Тяжело дыша, мы двигались к цели. Драгоценные минуты летели неумолимо и быстро. Капитан нервничал. Вскоре он выскочил на небольшую поляну, окружённую со всех сторон высоким сосновым бором, упав в траву, расслабил уставшие мышцы. Мы, один за другим, попадали рядом. Времени было уже в обрез. Командир обвёл нас тяжёлым взглядом и сказал:

– Хиловаты вы ещё, ребята. Ох, хиловаты! В таком случае враг окажется сильнее вас. Тогда вам достанется на куличи. Я-то уж, это знаю.

Мы молчали, да и что можно было сказать, когда дыхание никак не могло восстановиться. А дождь усилился. Вода проникала через одежду, холодила тело. Капитан медленно раскрыл свою походную сумку. Мы впились глазами, рассчитывая на какой-нибудь секрет, который откроет нам командир. Он изменился в лице, став на какое-то время доверительным и простым, будто перед нами был старший брат. Все ждали, а что же будет дальше? И тогда капитан извлёк из полевой сумки нож и выдернул его из ножен. Дождинки потекли сначала по широкому светлому лезвию, потом по чёрной рукоятке, на которой было восемь зарубок. На лезвии была надпись на немецком языке: «С нами бог». С другой стороны: «Всё для Германии» Капитан погрузневшим голосом сказал, выдавливая из себя слова:

– Смотрите – оружие немецкого солдата и надпись: «С нами бог». Этот убийца шёл на нас вместе со своим богом. Он, не задумываясь, действовал во имя своего торжества. А что мы поставим против его чёрной силы?

Капитан внимательно посмотрел на нож, вспоминая прошлое, которое и в настоящее время не даёт ему покоя.

– Зарубки, зарубки, – выдохнул он с присвистом. – Вот они на рукоятке, это гибель наших людей. А у меня они здесь. – Он взялся за сердце, – беда навечно осталась.

Командир был тих, на щеке появилась непрощенная слезинка, и он не замечал её.

– Мы жили на заставе, – начал он, – рядом слышалась немецкая речь. Там шли какие-то приготовления. Мой отец, начальник заставы, был хмурый и злой. Он велел усилить дозоры, предчувствуя недоброе со стороны врага, а сам никак не мог уснуть, о чём-то постоянно шептался с мамой за перегородкой. Я спал. Очнулся от взрывов. Отца уже не было. Встревоженная мама собирала нас с Катей. Она шептала:

– Ваня, Катя, скорее! Война!

Мы поднялись, одеваясь на ходу, выскочили на улицу. Немцы шли в атаку. Пули, шёлкая по домам и камням, визжали. От отца прибежал молоденький солдат.

– Уходите, – сказал он, – и как можно быстрее, а то немцы скоро прорвутся.

Я оглянулся. Отец, лёжа за пулемётом, стрелял и в тоже время отдавал приказания подчинённым. И в это время у него заело пулемёт или кончились патроны, не знаю. Началась рукопашная. На отца навалились сразу четверо, но он разбросал их, ударив одного штыком, другого прикладом, выпрямился. Сзади на него бросился здоровенный рыжий детина с ножом. Отец упал. «А-а-а-а», – закричала моя мама. Я бросился к папе, но солдат меня удержал. Я бился, плакал, скулил. Бой затихал, и нужно было спешить, так как разъярённый боем и лёгкой

победой враг был зол. Но убежать от них мы не сумели. Одна за одной шли машины с солдатами, не встречая нашего сопротивления. Увидев нас, одна из машин остановилась. Из кабины выскочил тот рыжий детина в чёрной эсэсовской форме. Он подбежал к маме. Наш спаситель выстрелил из винтовки, но в спешке промахнулся и тут же был срезан автоматной очередью. Немец дико хохотал. Мама сопротивлялась, показывая на нас. Он схватил её за грудь, прижал к себе. Победитель показал своё лицо. Мама, собрав силы, оттолкнула его. Он что-то залопотал на своём языке, выхватил вот этот нож и ударил её в грудь, потом мою сестрёнку Катю, а я успел нырнуть в канаву и кинулся в лес. Раздались выстрелы, но пули пролетели мимо, расщепив кору сосны рядышком со мной. Мне было тогда двенадцать лет. Меня трясло, по всему телу шёл озноб. Жить не хотелось – круглый сирота. У папы и мамы не было родственников, они были оба из детдома. Я шёл, куда глаза глядят и забрёл в болото, попил ржавой воды и упал без сил.

Сколько я так лежал, не знаю. Почувствовал, когда меня подняли чьи-то сильные руки, и очнулся. Первое желание было рвануться и убежать, но, услышав русскую речь, успокоился, разглядывая нашу пехоту. Ко мне подошёл майор, я узнал его. Это был друг моего отца дядя Костя Денисов. «Ваня, ты откуда здесь, – изумился он, – почему не эвакуировались?» А потом успокоился, видно поняв нелепость вопроса. «Где же у тебя папа, мама, и Катя?» И тут меня прорвало. Я разрыдался так, что слова не мог сказать. Они терпеливо ждали, пока я прокричусь и мне немного полегчает. Дядя Костя меня не успокаивал, наблюдая за мной как бы со стороны. Он крепко держал меня в своих руках. Солдаты вокруг его сняли пилотки. Сколько времени прошло с тех пор, как я начал свой рассказ, не помню, очнулся, когда была уже тёмная ночь. Вдалеке шёл бой, а здесь была пугающая тишина. Бойцы костров не разводили. «Ваня, так что же произошло с вашей семьёй?» – спросил майор с дрожью в голосе. Я рассказал ему всё без утайки. У него скрипнули зубы, и он весь напрягся. «Ничего, Ваня, переживём и это. Попрём его отсюда, только стукоток пойдёт. Они заплатят нам за все свои злодеяния сполна. Будь уверен. С нами пойдёшь за линию фронта, там сдам я тебя своей жене. У меня будешь жить в деревне, понял?»

Я, всхлипывая, кивнул ему головой в знак согласия. И мы тронулись. Путь был тяжёлым: лес, кочки, болота. Что я передумал, одному мне известно, но шёл вместе со всеми и не хныкал, хотя ноги стёр, не дотронуться. Какая сила гнала меня на восток, не знаю. Все шли и я тоже. Остаться одному в лесу или зайти в деревню было очень страшно, и вдруг придут немцы. Группа росла. Пройти незаметно уже стало невозможно. Слишком много было шума. В воздухе постоянно висела «Рама», отслеживая наше движение. То слева, то справа вспыхивали жестокие перестрелки с нашими разведчиками, которые шли впереди нас. Не раз немцы бомбили нас, но майор уверенно маневрировал. Так мы дошли до передовой. Здесь было жарко. Через линию фронта пробивались наши разрозненные части, а то и роты, взвода, отдельные группы. Заслышав стрельбу со стороны врага, на помощь шли наши части. Мы ждали удобного момента, прощупывали врага, где бы можно было пройти с малыми потерями. Дядя Костя дал мне немецкий «Вальтер» и к нему три обоймы патронов на всякий случай. Стрелять я уже умел, отец научил. На операции меня, конечно, не брали, а я рвался в бой мстить за отца, мать и сестрёнку. «Мал ещё, подрасти надо, силёнки набраться. Вдруг рукопашная, – говорил майор, – и ты первым погибнешь. Правде надо смотреть в глаза. Я теперь за тебя в ответе перед твоим погибшим отцом и матерью и конечно Родиной».

Он хмурился, охлаждая мой пыл, а я настаивал, просил, плакал, но дядя Костя в такие минуты просто отмалчивался, будто меня не слышал. Две недели уже были на исходе, как началась война. Запасы пищи у нас давно уже кончились, и чтобы не умереть с голоду, решили добывать в бою. Нападая на вражеские колонны машин, кормились. Жители сочувствовали нам и выносили всё, что смогли. А мне слышалось презрительное: «Вояки, удираете. Нам же оставаться под немцем». В глаза людям было смотреть стыдно, поэтому шли, опустив глаза

в землю. Впереди показалось большое русское село. Сколько мы их прошли, не счесть. Уже начинался рассвет. Восток покрылся кровавой шкурой. Мне показалось, что по всему горизонту шёл бой. От мощной канонады содрогалась земля. Но чтобы сделать последний рывок и достичь цели, не было сил. Майор со всех сторон выставил караулы, и мы легли в лесу спать. Дядя Костя постелил под меня свою шинель, а сам ещё долго сидел и думал. Я крепко уснул под пение птиц. Меня баюкала родная земля. Ветер доносил знакомые с детства запахи. «Ваня, вставай, – услышал я сквозь сон голос дяди Кости Денисова и, протирая глаза, осмотрелся. – Вот он наш враг. Гляди и запомни». Немец был жалок. Под левым глазом наливался огромный синяк. Чёрный мундир был разорван. Водянистые, как у загнанного зверя, глаза бегали с одного лица на другое. Мне показался он знакомым. Майор сказал: «Ваня, вот его нож. На, может пригодится где. Сколько он набил наших – зверюга. Запомни, сынок, навсегда запомни, прощать врагу нельзя. Не мы к нему пришли с разбоем, а он к нам».

Майор показал на зарубки ножа. Я стоял и не мог произнести ни слова. «Наин, Нихт, – донеслось до меня, – французов, англичан. Я-я-я». Это был тот самый фашист, который убил моего папу, маму и сестрёнку Катю. Я не выдержал, закричал не своим голосом, узнав наконец-то его. Немец сжался, посмотрев на меня. А я рванулся к нему с ножом.

«Ваня, у тебя жар. Мало ли таких сейчас бродит по нашей земле, – схватив меня за руку и щупая рукой лоб, сказал Денисов, – посмотри лучше».

– Да он же, он, – не унимался я. – И голос, и походка, и внешность.

Немец дрожал, повторяя: «Наин, Нихт, Наин, Нихт».

Вот как сейчас, небо было тёмное, ползли серые тучи, накрапывал мелкий дождь, порой переходя в ливень. Для прорыва такая погода просто удача, и опустить этот момент мы не имели право.

Майор сказал одному капитану: «Владимир, допроси фрица. Не тащится же нам с ним через линию фронта». Капитан Коновалов, среднего роста, когда-то сильный, тренированный человек, сейчас от усталости еле стоял на ногах. Он вытащил блокнот с карандашом и, медленно растягивая слова, стал задавать вопросы. Фашист молчал. Поёживаясь от сырости, я подошёл к нему и выдал из себя с презрением:

– Гут, манн, гут. А потом рявкнул: – Хальт!

Визгливый крик оборвал что-то у немца, и он часто-часто заморгал своими длинными ресницами. А я играл сейчас с ним, как кошка с мышкой, чувствуя над ним свою силу и власть. Мне, пацану, хотелось видеть в его глазах животный страх, это было необходимо мне и другим. Если у врага страх, значит он боится нас, значит мы сильны. Нас было сотни четыре, не меньше, измученных боями и переходами, шатающихся от усталости.

И немец не выдержал, заговорил, поглядывая на меня и на свой нож. А мне казалось, что в этом монотонном потоке слов – вой надвигающегося боя, команды отца, крики матери и сестрёнки. Моя родная застава, где я знал каждый кустик и кочку, была в огне, обтянутая смертельным обручем, и среди всего прочего, вот этот фашист с ножом. «Ваня, на, подкрепишь фрицевским кормом», – сказал дядя Костя, поднеся мне ко рту кусочек галеты. Я откусил, но горло перехватила спазма.

– Не хочу, – сказал я.

«Ешь! – крикнул майор. – Ноги протянешь».

Пересиливая себя, проглотил. И сразу захотелось спать, но я крепился изо всех сил.

Капитан закончил допрос. Показал майору данные. И тут брызнул дождь, а грома не было. Все спрятались под сосны. Майор подошёл ко мне.

«Ваня, ты уверен, что это именно тот фашист»? – спросил он.

– Да, дядя Костя, это точно он, – ответил я.

Он потянулся ко мне за этим ножом, взял его в руки и долго-долго рассматривал.

«Ерёмин, – крикнул майор солдату, – подойди ко мне».

Он быстро подбежал.

– Прикончи его вот его же ножом. Палача в живых не оставляют. Князь Невский сказал: «Кто с мечом пожелает к нам в гости, от меча и погибнет».

– Я сам прикончу его, – сказал я Денисову, – он меня сделал сиротой. У меня хватит сил свести с ним свои счёты.

Я выполнил сыновний долг перед родителями и сестрой, хотя и был ещё ребёнком, но я рано созрел. Наш враг лежит в топком болоте. А я, прямо сказать, от ярости дрожал. Потом, уткнувшись с сырую землю лицом, долго рыдал.

Со смертью этого фашиста с меня спал тяжкий груз, который придавил детские плечи. После меня подняли и поставили на ноги.

«Ваня, с боевым крещением тебя. Вот возьми себе этот нож, пригодится», – сказал майор и погладил меня по голове.

Я потёрся щекой о его руку.

«Ну, ну, солдат, успокойся, чего тут расстраиваться из-за какой-то дряни».

Вскоре майор Денисов подал команду. Все поднялись и двинулись туда, где шёл бой. Заслон врага в этом месте был непрочным, поэтому прорвались без особых трудностей, прихватив с собой птичку высокого полёта, не то генерала, не то полковника.

Наш командир умолк. Ещё несколько минут стояла полнейшая тишина. Каждый думал о своём, переваривая данную информацию в своей голове. У каждого из нас кто-нибудь да не вернулся с фронта в эту тяжёлую и жестокую войну.

– Не знаю, зачем я таскаю с собой этот нож. Как вытасу из ножен, становится горько и больно. Бросить его, забыть всё, но не могу. Куда глубже остались зарубки на сердце. Их ничем не смоешь, не стряхнёшь с себя. Они напоминают о нашей Родине, долге и чести, и когда я смотрю на вялость солдат, на чьи плечи легла оборона страны, защита наших детей, матерей и отцов, мне становится не по себе. Ребята, надо быть сильным, выносливым, думающим, – продолжал капитан.

Подхваченные внутренним огнём к месту назначения мы прибыли вовремя и заняли оборону. Здесь когда-то шли тяжелейшие бои. Земля была изрыта снарядами. На дне старого полузасыпанного окопа валялась пробитая каска русского солдата, груды потемневших от времени гильз. Всё это напоминало о прошедшей войне. Но это была уже история, а историю забывать нельзя. На ней учатся, чтобы быть ещё сильнее.

Впереди показался условный враг. Мы подпустили его и стали расстреливать из всех видов оружия.

Командир полка при разборе действий отметил нашу роту, как одну из лучших. Командир роты капитан Голубев улыбался. Он понимал, что этот нож с зарубками сделал своё дело, вдохновив солдат на отчаянный рывок во имя жизни и Родины.

Невеста

Этот очередной приезд из города в деревню был для меня нежелателен и горек. Я всеми фибрами души сопротивлялся, оттягивая, но мама слёзно просила приехать и погостить, хотя бы недельку. И вот с расстроенными чувствами я приехал. А на душе была такая жуть, что словами просто и не выскажешь. Как говорится, сердце просто кровоточило. И чтобы как-то отвлечься от этой гнетущей души и сердце тоски, я ранним утром пошёл к рыбакам, с которыми когда-то неводом ловил рыбу.

Солнце ещё только-только вышло из-за горизонта, и его косые лучи скользнули по водной глади реки Волги, и я как-то вдруг оторопел, и почему-то холодная дрожь пошла по всему телу. Я невольно посмотрел на валун, что расположился на берегу обрыва, где мы с Людкой когда-то простились, заверяя друг друга в любви и верности. И по сердцу прошла боль: за что ты меня предала? Я сразу вспомнил, как встречался с девушками в городе, но что-то ни к одной из них не мог прикипеть ни душой, ни телом. И поэтому страдал, впадая в тяжёлую депрессию. В эти приливы отчаяния я мог что угодно выкинуть. И окружающие меня люди не знали, что со мной. Были случаи, когда мне в открытую показывали на висок, мол, ты парень с приветом. Но мне было всё равно, что подумают люди. Я смотрел на этот валун и видел на нём Людку, где сверху светила яркая луна. Она, то пряталась за белесые облака, то снова выглядывала, придавая таинственность нашей встречи. Внизу плескалась река, нежно билась волной в берег, и откатывалась, унося с собой прибрежный сор. Я забыл про ссору, которая произошла у нас после, когда она в сердцах закричала: «Я больше так не могу! Слышишь! Давай поженимся. Мне надоело отбиваться от мужиков и парней. Понимаешь, я устала»!

– Да ты, что Люда? Впереди ещё три года учёбы, – сказал я тогда, – потерпи, успокойся.

Сейчас я вижу её разгневанную и злую. Она бежит от меня с этого валуна и кричит:

– Не любишь ты меня, Колька. Если бы ты любил, так бы не сказал. Прощай!

Я не только ощутил, но и услышал вибрирующие нотки, отражающиеся от воды: прощай, прощай. И мне почему-то показалось, что Людка невесома и летит над водой, и издаёт это страшное для меня слово. Когда это было? С тех пор, кажется, прошла вечность. А в деревню я не приезжал, но мама подробно сообщала мне все деревенские новости. Из её писем я знал, что Людка вышла замуж за Василия Кошелева, а жизнь у неё не заладилась. Её всё куда-то тянет, всё чего-то она хочет. С грузинком снюхалась, хотела выйти замуж за сына директора рыбоконсервного завода, после посмеялась над ним. А Васька, как сумасшедший – бесится, даже хотел повеситься, но мать углядела. Чуть что – скандал. Людка брысь к матери с отцом, те её, конечно, приголубят – дочь всё же. Проходит неделя другая, муженёк-то её Васька не выдерживает, просит вернуться, клянётся, что больше не будет ревновать, и так до очередного Людкиного романа. Детей она не рожает, но какая причина в этом, никто не знает. Ей говорят: роди. Дети сближают, а она ну ни в какую. Молчит и только. Будто окаменелая, и вся не в себе.

Я смотрел на валун и шептал про себя:

– Людка, Людка, что же ты делаешь?

И слышал: «Прощай, Колька, прощай. Ты меня не любишь».

Лёгкий ветерок шевелил мои волосы, охлаждал распахнутую настежь грудь. Я зашёл в воду. Мелкая рыбёшка крутилась возле ног.

– Николай, да ты откуда? – раздался громкий голос Василия Кошелева. – Вот чёрт, да ещё и в броднях, не иначе, как с нами собрался на рыбалку.

– Угадал, – ответил я, и мы с ним обнялись.

Вскоре вся бригада была в сборе. И, оглашая окрестность, катер, баркас и лодка двинулись вверх против течения. Я смотрел на берег, но многие места не узнавал. Мне было немного

грустно. И стоило только посмотреть на берег, я видел Людку. Я понимал, что это просто мираж души и ничего больше, но избавиться от него не мог. А грудь щемило так, что не было сил.

Катер развернулся у песчаной отмели, и с баркаса в воду стала падать сеть. Мужики бросали её очень ловко и сноровисто, ничего не скажешь – опыт был. Невод напружинился, как бы встал на своё основание, расправив поплавки и грузила, мол, давайте, ребятки, потягаемся силёнками. Я вон какой большой. Мы тянули его к берегу изо всех сил. А он как будто застрял на месте, испытывая наши нервы.

Утирая катившийся по лицу пот, Кошелев говорил:

– Что же это такое? Никогда так тяжело не было, как сейчас.

Медленно шаг за шагом, мотня невода приближалась к берегу. А в ней, вода от рыбы, прямо сказать, кипела. Да чайки ещё кричали так, что заглушали всё, и наши разговоры, и распоряжения бригадира. Подъехали два «Прогресса». Обнажённые мужчины и женщины смотрели на невод неотрывно.

– Продайте рыбки, мужики, – просительно сказал один из них. Он вытащил бутылку водки, затем другую и повертел ими в руках.

– Нет, – резко ответил бригадир.

– Друг же приехал, как ты этого не понимаешь, – вскипел Кошелев.

Бригадир ещё немного поупирался и согласился. На мои же доводы, что этого делать нельзя, никто не обратил внимания.

– Никола, ты не волнуйся. Мы маленький пикничок в честь твоего приезда сделаем на природе, сто грамм к ухе не повредит, – спокойно сказал мой друг Василий Кошелев.

Мы расположились в тени раскидистых берёз. Место было сухое, покрытое мелкой травой, вытопанной ногами рыбаков. Сколько здесь было сварено ухи, боже! Запах реки и рыбы был такой плотный, что мне казалось – и через десятилетия он не выветрится, какие бы не дули ветры.

Кошелев суетился, собирая дрова на старое кострище. Рыбаки, выбрав нужную рыбу для ухи, чистили её. Костёр запылал. И чёрный котёл, потрудившийся на своём веку, может быть, не один десяток лет, принял огонь на себя. С одного края у котла была уже трещина, но он всё же служил бригаде и отменно.

– Пусть уху дымком охватит, дымком, – говорил скороговоркой Кошелев бригадиру. – Иван Демьяныч, плесни немного водочки в уху, как мы это раньше делали для смаку.

Рыбаки степенно мыли в реке руки, раздевались и садились вокруг костра на травку. Бригадир разлил водку в кружки и торжественно сказал:

– Коля, давно же ты не был с нами, ох, давно. Сколько лет-то?

– Шесть, – ответил я, не задумываясь.

– Спасибо, хоть не забываешь. Ну, за приезд блудного сына.

И все выпили. Сначала все усиленно ели, потом пошёл непринуждённый разговор. Кошелева вдруг повело в сторону, и он чуть не клюнул в котёл. Его оттащили от костра и положили на травку. Разговор прекратился. По кругу опять пошла бутылка. Чокнулись снова. Кошелев, услышав звон кружек, раскрыв рот, промычал:

– Я тоже хочу выпить – выливай!

– Что с парнем сделала – стерва, – хмурясь, выдавил из себя бригадир. – Такого мужика ни во что не ставит, путается с кем попало. Любви ждёт крылатой, восторженной.

И тут сквозь хмельной туман я услышал её голос: ласковый, тихий, словно весенняя капель: «Коленька, Коля, мой единственный». После того торжественного вечера по окончании десятого класса и получения аттестата зрелости, она была такая грустная и нежная, что у меня разрывалось сердце от любви к ней.

Василий, на мгновение очнувшись, изрёк:

– Почему мне не оставили?

– Вася, ты и так пьян, – сказал я ему.

– Какой я пьяный? Так – лёгкий хмель. Что жалко? Самим мало?

Водки уже не было. Наступила гнетущая тишина. Я смотрел на Кошелева и никак не мог понять, что с ним. А перед глазами стоял мальчик – крепыш с ясными глазами. Он сжимал тугие кулаки и выговаривал обидчику:

– Девочек – не трогать. Зачем брюки надел?

Нам всем тогда казалось, что Кошелев очень сильный, и за словом в карман не полезет. И я был горд таким другом, ведь за его спиной, как за каменной стеной. И конечно, чего греха таить, многие мальчишки завидовали мне и хотели с нами дружить. Так было безопаснее. И вот после стольких лет разлуки эта встреча произвела на меня удручающее впечатление. Я не мог даже представить Ваську в таком состоянии, как сейчас. Но Кошелев так же быстро протрезвел, как и захмелел. И, уставившись немигающим взглядом, смотрел на реку. Костёр догорал. Все молчали. Посидев ещё несколько минут, мы поднялись, так как солнце уже свалилось за лес, обогрив верхушки деревьев. Время было такое – только успевай на приёмный пункт. Да и рыба долго находиться в тепле не может, испортится.

Катер, набирая скорость, устремился обратно. Впереди замелькали постройки села Глебово, там нам нужно было, сдать свежую рыбу. Чайки не отставали от нас. Нет-нет, да кто-нибудь бросит мелкую рыбёшку. Голодные птицы с криком пролетали у нас над самой головой. Василий брал плотичку, вытаскивал из кармана мелкие гвозди, протыкал рыбу около головы и бросал. Чайка, захватив такую добычу и, не понимая, что с ней происходит, садилась прямо на воду с раскрытым клювом, из которого торчал только хвостик рыбы. Василий улыбался. А я не мог понять, откуда у него такая злость, сидел и недовольно хлопал глазами.

– Белая моя белокурая чайка, – раздался внятно его голос, а потом – шлюха ты районного масштаба.

И скрип зубов, да такой, что душу выворачивало наизнанку. Я думал: «Вася, милый, хороший друг, что с тобой происходит? Разве так можно?» Но молчал, оцепенев от увиденного. Куда девался тот всегда рассудительный и уравновешенный парень.

– Василий, прекрати губить птиц! – раздался резкий крик бригадира. – Я тебя спишу на берег.

Кошелев очнулся, посмотрел на Кудеярова глазами полными боли и слёз, хотел что-то сказать, но смолчал, да и так было видно его состояние. Катер ткнулся в берег, и я пошёл домой.

– Коля, рыбы-то возьми, – раздался сзади голос бригадира.

Мысли путались, но ответа не было. Откуда такая озлобленность у парня? Как она у него возникла? Что послужило причиной? В рассуждениях и сомнениях я не заметил, как упёрся в ворота собственного дома. На пороге меня уже ждала мама.

– Сынок, что с тобой? На тебе лица нет, – спросила она.

– Ничего, мама, всё хорошо, – ответил я и пошёл в другую комнату, чтобы остаться одному.

Не раздеваясь, лёг на диван. Перед глазами стоял Васька Кошелев, всегда весёлый и неунывающий, вот он вступился за кошку, в которую ребята кидали камнями, отколотил Юрку Голубева – любителя разорять птичьи гнезда, промелькнул десятый класс. Лица учеников грустны, будто их уже ничего не связывает, особенно лицо Люды Батуриной, дочери председателя колхоза. Но это не так, внутренний мир каждого связан крепкими нитями, своей улыбкой, жестом, мимикой. Людка, улыбающаяся и весёлая, подошла к Ваське Кошелеву и дёрнула его по привычке за волосы. Он улыбнулся, протягивая ей руки, но она со смехом убежала и стала игриво улыбаться Лёвке Прохорову. Тот не удержался и побежал за ней, но она, как быстрая козочка выскользнула и прибежала ко мне. Я взял её за руки и, заглядывая в синие бездонные глаза, погрозил ей пальчиком: не балуй. Лицо Васьки Кошелева перекошилось, как от зубной боли. Это, конечно, не ускользнуло ни от кого. И тут я впервые понял и увидел сво-

его соперника. Несомненно, он даже и себе бы не признался в этом. Я-то, уж точно знал – друг у него превыше всего. К Батуриной тогда подошла Таня Погодина, не очень-то разборчивая в любви, и страстно прошептала ей на ухо:

– Людка, ты колдунья, мне бы так. Все парни от тебя в угаре.

А вечер был прекрасный и грустный, все хорошо понимали, что пути-дороги расходятся. Ночь же была тихая и томная на берегу реки Волги. Лёгкая волна набегала на песчаную отмель, обмывала нам ноги. Мы стояли всем классом, убаюканные теплом родной реки. Плескалась рыба, сверкали бакена. Временами по фарватеру проходили суда. И тогда волна выгоняла нас на берег. Раздавался визг девчонок. Они, держась за нас, прыгали в воду, баловались. Людка не выдержала, шепнула мне на ухо, и мы потихоньку с ней ушли. На самом обрыве, где мы с ней обычно встречались, был огромный валун, обросший мхом и обвитый корнями берёзы. Если бы не она, он, наверное, давно бы упал в реку. Но он не падал. Почему? Здесь была какая-то притягательная сила, не подвластная разуму. От этого камня на нас с Людкой веяло стариной и загадочностью. Здесь Людка становилась серьёзной и строгой. Я не мог к ней прикоснуться. Да я и сам толком не знал, что это такое. Сейчас она вскочила на этот камень, расправила руки и долго, долго смотрела вдаль.

Восток уже заалел. Лёгкий ветерок трепал её распущенные по плечам длинные белые волосы. В это время она была недосыгаема для меня и других. Людка, будто подобная белой чайке, парила над водой, и в её порыве было что-то возвышенное и одухотворённое. Выразительные глаза смотрели, не мигая. Мне казалось, что им нет предела и за горизонтом. Но вот Людка сложила руки-крылья и упала в мои объятия. «Целуй меня», – шептали её губы. Я носил её на руках, не чувствуя тяжести. Она была для меня какой-то воздушной и невесомой.

Солнце выкатилось из-за горизонта, а я всё ходил и ходил с ней на руках. Людка нежно повела правой рукой по моим волосам, заглянула в глаза, прижалась ко мне, словно хотела слиться воедино, и выдохнула:

– Коля, пусть наша любовь будет такой же крепкой, как этот монолит, а может, быть даже и крепче.

Я нежно положил её на травку, губы дерзко впились в её небольшую, но тугую грудь. Она слабо сопротивлялась. Я жарко шептал одно единственное слово: «Люблю, Люблю».

После весь день мы с Людкой долбили камень. Она помогала, советовала, распорядилась. К вечеру мы только закончили, и запыхлённые, снимая на ходу одежду, бросились к реке. А вода в лучах заходящего солнца была тёплая, ласковая, чистая. Она снимала усталость бессонной ночи, каменную пыль, что надела на наши руки и лица, успокаивала, вселяя надежду на наше счастье. На берегу никого не было, и мы наслаждались с ней во весь напор распахнутой души. Мы бегали, резвились, играли как малые дети. Людка была настоящей волшебницей. И я никак не мог уследить чего-то главного. Я терял голову. Когда это было?

Я смотрю на камень, и боль пронизывает мою душу и сердце, будто что-то оборвалось во мне при виде этого камня. А солнце, как тогда утром выскочило из-за перистых облаков и осветило валун добром и светом. По воде блеснул яркий луч. Всё так же, как десять лет назад.

В это время я почувствовал, что кто-то меня дёргает за плечо. Я очнулся. Около меня стоял Василий Кошелев. В руках он держал две бутылки водки и большого судака горячего копчения. Видения пропали, и мне стало жаль, что всё возвышенное сразу кончилось, а навстречу идёт проза жизни.

– Коля, чёрт с ним со всем этим, – сказал Василий, – давай выпьем за твой приезд.

Я стал отнекиваться, но он был неумолим. Мне казалось, что он хочет высказаться, облегчить свою душу, сбросить непосильный груз, который придавил его могучие, широкие плечи.

Мама собрала на стол. Я налил водку в стопки.

– Коля, ты ещё холост? – спросил Кошелев.

– Как видишь один, не успел ещё.

– Правильно делаешь, не женись – одна мука.

Лицо друга было скорбное. Он поднял стопку, руки его дрожали. «Раскис, – подумал я, – на мужика стал не похож». В груди заныло так, что и выпитая водка не подействовала, а наоборот привела в чувства эйфории. Но я всеми силами держался. Я налил ещё, чокнулись. На глазах Кошелева были слёзы.

«Ты навеки мой, – пришёл на ум страстный шепот Людки. – Мой, ты слышишь».

– Коля, ведь я люблю её, а она у-у-у – стерва, – хотел сказать он, натолкнувшись на что-то твёрдое, запнулся и сказал: – Милая белокурая чайка хочет жить весело.

Она сейчас стояла передо мной, грустная и доверчивая, такая родная и близкая, что я и сам был вволю разрыдаться. Я тянул к ней руки, но так и не мог дотянуться. Кошелев всё говорил, говорил, говорил. Что я мог сказать ему на всплеск его откровения? Да ничего. И чтобы я не сказал ему – всё было ложью. И от этого никуда не уйдёшь. Правда, а кому она принесёт облегчение? Что за ней скрывается? Не мог же я сказать ему, что меня терзает. Наши отношения с ней – священные. И где бы я ни был, они всегда со мной. А времени было уже далеко за полночь. Я решил проводить Ваську домой. На улице было лучше. С Волги дул прохладный ветерок. Собака у соседа подала голос, но вскоре затихла, убаюканная прелестью ночи. Из-за плетёной изгороди ветки вишни свисали на дорогу. Мы шли, поддерживая друг друга. Василий всё жаловался и жаловался на свою неудавшуюся жизнь. Он не хотел слушать голос моего сердца, хотя я пытался ему что-то сказать, напомнить о наших отношениях с Людкой. И мне сейчас было не легче чем ему. Кошелев, конечно, знал о наших отношениях, но не придавал этому никакого значения, изливая на меня своё наболевшее, накопившееся за это время горе. Утешать было бесполезно, да я и не знал как. Просто язык не поворачивался. Так мы и шли, он говорил, я молчал. Внезапно появился дом с резными наличниками. Небольшой сад рядом, склонив ветки к земле, шелестел. Василий постучал.

– Кто там? – послышался внутри дома нежный женский голос.

– Я милая, – ответил Кошелев, – открой.

«Она, – колыхнулось в моей груди сердце, – боже, как я ей в глаза взгляну».

– Чего болтаешься среди ночи? – прошипела Людка звеняще, но, увидев меня, повела точёным бедром. – А, Коля, каким ветром занесло в наши края?

Я увидел, как её лицо вмиг стало оранжевым, но Людка быстро справилась с собой, и как обычно было у нас, подставила щёчку для поцелуя. Я ощутил в себе трепет, но всё же коснулся её щеки губами.

Кошелев шептал:

– Милая белокурая чайка.

И пытался обнять жену, но она его оттолкнула со словами:

– Пьяница, отойди прочь.

Кошелев сел на диван и тут же уснул. Я тоже был в крепком подпитии.

– Коля, пошли, – сказала Людка певуче. – Я тебе постелю на сеновале.

Она взяла в темноте меня за руку, чтобы я не упал, и полезла наверх. Там она расправила тюфяк, постелила чистые простыни, и сказала, чтобы я раздевался и ложился спать. Людка помогла мне раздеться, а потом склонилась к самому уху, и страстно зашептала:

– Зачем же ты уехал, милый? Я после твоего отъезда места себе до сих пор не нахожу. Глупо всё получилось тогда. Я тебя обидела, а ты простить меня не захотел. Разве так можно, Коля? Я тебя люблю одного. Ты слышишь меня – неслух ты мой. Мне папа с мамой говорили, мол, выходи за Ваську – и всё пройдёт. Он институт окончил, у него перспектива, а этот где? Сам чёрт его не разыщет.

Её голос туманил голову, а какие были глаза. Боже, мой! Разве их можно описать простыми человеческими словами. Это была какая-то тайна. Они светились даже во тьме. Я ощутил невесомость Людкиного тела. Она как бы парила надо мной, опускаясь всё ниже и ниже.

Её волосы упали на моё лицо. Я стал зарываться в них, как тогда в юности, чувствуя запах её тела. Её голос разрывал мою грудь. Он то леденил моё сердце, то заставлял гореть жарким пламенем. А глаза – вот они рядышком, я просто тонул в них, как в озёрах.

– Люда, – шептал я, – что ты со мной делаешь? Я больше не могу, не могу. Как я мог все эти годы жить без тебя? Не слышать твоего напевного голоса, не ощущать прикосновение твоих лебединых рук?

– Хочешь, я брошу Ваську, буду слушаться только тебя, хочешь? А глупости я тут натворила, что обо мне ходят сплетни по всей округе, опять же от скуки, понимаешь, так тягостно жить с ним, вот и кидаюсь, ищу успокоения. Правда, я к себе кроме тебя и Васьки никого не допустила. Они намеревались, но я была тверда. У меня с ними просто был лёгкий флирт и не больше. А они разнесли по всей округе, что у меня с ними была интимная связь. Враки всё это. А ты уехал. Пять лет я тебя ждала, надеялась, что пройдут наши мглистые дни, ты вернёшься, и больше я тебя от себя не пущу. Я устала ждать, сил больше не было, а он всё ходил и ходил, звал замуж. И я не устояла. Я даже подвенечного платья не надела, хотя оно и было сшито. Выходила ли я замуж – вот уж и не знаю. Мне всё кажется, что это сон, когда-то он должен кончиться. Как Кошелев ругался, увидев меня в простом платье. Коля, как же я могла осквернить нашу любовь?

Она горько заплакала, и её горячие слёзы упали мне на лицо.

В окно светила яркая луна, и её бледный вид оттенял сияние Людкиного лица, глаз, белых волос, рук. Людка не утирала катившиеся из глаз слёзы, вид был подавленный – само отречение от всего. Я не мог оторвать взгляда: милая моя, хорошая, что ты со мной делаешь? Она смотрела на меня и глаза её говорили: «Ведь опять уедешь, не простишь. А без тебя моя жизнь – не имеет смысла. Пойми это. Пойми, Коля».

Я не знал, что делать, что сказать. Мы поднялись. Людка словно неживая пошла вниз, где на диване спал Кошелев. Он даже во сне вспоминал одно имя – её имя. Я вышел, чтобы не разбудить друга. Мне было стыдно и больно, что так всё получилось, хотел поговорить с ним, но не хватило силы воли. Обманывать себя и его, а тем более Людку я не мог, считал, что мне лучше уйти из их жизни и больше не появляться в деревне.

На востоке уже загорелась алая заря. Мать не спала и, глядя мне прямо в глаза, которые я отводил в сторону, спросила:

– Сынок, где же ты был столько времени?

Я молчал, спешно собирая чемодан.

– Коля, что случилось? Почему так спешно уезжаешь? – сказала она, – видно эта подстилушка перешла вам дорогу с Васькой.

Что я ей мог ответить? Сказать, что я люблю Людку, только посмеётся, о ней такая молва идёт по всей округе, тем более она замужем за моим другом.

– Ждала, ждала я тебя, а ты и не погостил, – сокрушённо качала головой мама.

– Прости меня, мама, дела, – сказал я и отвернулся.

Она всё поняла и замолчала.

«Материнское сердце не обманешь», – подумал я и вышел.

Метеор отходил в восемь десять. На пристани народу было очень мало, знакомых никого. Я обвёл взглядом крутой берег, ожидая увидеть там Людку, но её нигде не было. В душу закралась обида: «Так уж ты меня любишь, если не чувствуешь зова моего сердца». Я посмотрел на дом Кошелева, где ожидал и надеялся ещё увидеть её, но нет – мои позывные она не слышала. Подошёл «Метеор», люди вошли в салон. Я сел на своё место и задумался. Выдохнув облако чёрного дыма, вздрогнул мотор, заговорил, отозвавшись болью в моём сердце. Я ещё чего-то ждал, на что-то надеялся.

– Смотрите! – услышал я голос парня. – Невеста.

Я посмотрел на берег. На высоком валуне, где мы с Людкой оставили свои автографы, стояла она в белом подвенечном платье с фатой. Её распущенные по плечам волосы развевались на ветру. Взяв фату в руки, она парила будто птица, стремясь догнать уходящий метеор. Руки-крылья Людка подняла вверх.

– Волшебница, – прошептал я, что было услышано всеми пассажирами салона. На меня посмотрели, как на сумасшедшего и кто-то кольнул едко и направленно:

– Со свадьбы сбежал – герой. Она вся к нему стремится, а он – тьфу – слюнтяй, бежит от своего счастья. Какая красotka, да она и на самом деле – белая чайка. Нет, не понимают мужики. Эх, мне бы такую. Боже, везёт же некоторым.

Я очнулся, осмотрел берег. Рыбаки собирали невод. Васька неотрывно смотрел на жену и шарил рукой по лодке, повторяя заученные движения с рыбой. И, найдя её, мстил за свою беду птицам. Мне слышался его печальный голос, похожий на нервный срыв: «Стер.., милая белокурая чайка». Конечно, на таком расстоянии я не мог ничего слышать, это были отзвуки в моей душе слов, слышанных вчера на рыбалке. Людка будто подслушала моё колебание. Она резко махнула руками с фатой. Мне показалось, что она летит с обрыва, где берег усыпан крупными камнями. Я рванулся, забыв обо всём на свете, повторяя одно и то же:

– Милая, я вернусь, вернусь, вот только приеду в город и сразу напишу.

Я ничего не видел кроме просветлевшего Людкиного лица.

Метеор, набирая скорость, уходил. Людка всё так же стояла на нашем валуне, летела вслед, надеялась, любила. Волга несла полноводные воды, била по крыльям судна, плескалась зеленоватыми брызгами, а я думал, как мы заживём с Людкой в городе после стольких мытарств и непонимания. Ещё в метеоре я написал ей письмо и отправил, ждал, но ответа не поступило. А ровно через неделю я получил письмо от мамы, в котором она сообщала, что Людка, председателева-то дочка, что удумала, надела подвенечное платье, да и сиганула с валуна на острые камни.

– Людка, Людка, – шептал я, – что же ты наделала? Видно, твоя душа теперь будет всегда со мной и уже невестой, если она отлетела вслед за мной.

Дерево смерти

После того, что здесь происходило, и, когда вскрылась истинная картина, дерево это спилили и на месте его устроили огромное кострище, потом поставили большой православный крест. Люди, приехавшие сюда, когда узнали, где погибли их знакомые и родственники, приносили цветы и молились за упокой души безвинно убиенных. Сколько здесь пострадало людей, никто толком и не знает.

Три дома на берегу безымянной речушки, когда-то брошенные людьми, оказались пристанищем для бандитов из Чеченской республики. Загнанный в ловушку, объявленный в международный розыск Гришка Белкин, принявший мусульманство, решил отсидеться в лесу. Он был молод и силён, но свою энергию не знал куда выплеснуть. И когда попал в плен, видя, что человек неуравновешенный, ему предложили принять ислам, иначе смерть. Он видел, как боевики отрезали головы нашим ребятам, которые отказались им служить, бросали их в глубокие ямы, делали из них рабов. Белкин не хотел вот так пропасть, как пропадали другие и поэтому с радостью принял ислам. Его учили уму-разуму, и он как губка впитывал все наставления и приказы лидеров банд-групп. Вскоре его усердность заметили, и ему стали доверять важные задания. В одном из аулов дали ему дом, выделили участок земли, где он должен отдыхать и залечивать раны, если они вдруг у него окажутся. Ему предлагали жениться, но он категорически отказался, мол, успею ещё. А сам думал только о Гальке Смородиной, которая от него отказалась, да при том, ещё и надсмеялась. Боль и обида не проходила. Ночами он скрипел зубами и думал, как он её похитит и будет наслаждаться ею всласть, как с продажной девкой, потом раздетую выкинет её на мороз на съедение своим собакам, которых он, конечно, заведёт и будет кормить их человеческим мясом. Но не всё так, как ему хотелось, у него шло. Думы думами, но в этом ауле он оставаться не хотел. Его тянуло в свою деревушку, где он был унижен и оскорблён. Он понял, что его обложили и вот-вот должны взять или уничтожить. Он решил бежать, и ни куда-то там, а поближе к дому, где он родился и вырос. И умирать ему, если это придётся, будет легче. Могилку отца, который погиб при ограблении сельского магазина, Гришка хорошо помнит. Дурак сторож выстрелил из ружья, когда отец Белкина на лошади хотел убежать. Но дробь, выпущенная из ружья сторожем, настигла его в самое неподходящее время. Отец Белкина долго болел и умер, а Гришку – сынка его, забрали в армию. Правда, он успел в деревенской драке по пьянке грохнуть того сторожа по голове чем-то тяжёлым, который не приходя в себя, умер на больничной койке. Кто грохнул сторожа, так и осталось нераскрытым. Народ, правда, указывал, кто это сделал, но приехавшая полиция, не обратила на эти факты никакого внимания. Похоронили старика, а Гришка Белкин ушёл в армию. К своему несчастью он оказался в роте десантников, да ещё, как назло, вместе со своим деревенским парнем Максимом Рубашкиным, от которого претерпел столько горя и обид.

Здесь на этом хуторе он уже появился, под кличкой, как Шам Бас. Имя и фамилию он придумал сам себе и очень гордился этим, правда, об этом он никому не говорил. Имя прославленного руководителя банд подполья он не хотел чернить и пользовался им только тогда, когда считал нужным. За особые зверства по отношению к русскому народу был удостоен премии Шам Баса. И всё шло у него очень хорошо. Но последние дни ему изменила фортуна. И он был рад этому. «Хоть немного поживу и пошикую, – думал он, – а потом хоть трын-трава, можно и умереть».

Он знал, что эта деревня опустела ещё в Советское время. Кто захотел, увезли свои дома и построили их поближе к цивилизации. А эти три дома остались от людей, которые умерли и похоронены на сельском кладбище, что возвышается недалеко от деревни в небольшом лесу. Думы Гришки шли далеко. И первая была очень болезненная, которая не давала ему покоя ни днём, ни ночью. Перед глазами стояла Галька Смородина. Она улыбалась ехидненько

и странно. И была для него недостижима. Он видел её глаза, лицо и красивый стан. Но он хорошо понимал, что это не его зазноба, но где-то там внутри стояла болезненная заноза, а почему она должна принадлежать Максиму, а не мне. Что я хуже его? Он взял руку девушки и заглянул ей в карие выразительные глаза. Уже хотел было ей объясниться в любви, но она так повела взглядом, что у Гришки мороз пошёл по коже. Дверь клуба распахнулась, и оттуда выскочил слегка под хмельком Максим Рубашкин. Он, немного думая, схватил Белкина за шиворот, тряхнул его и выдохнул со злостью в голосе:

– Куда лезешь – чувырло. Это моя девушка.

Он, размахнувшись что было моченьки, ударил Гришку под дых. И когда тот свернулся, ребром руки ударил по шее. Гришка упал под куст и долго не мог прийти в себя. Сколько так продолжалось, он, конечно, не знал. Болела шея, как будто её раздробили, и грудь. Танцы в клубе видимо давно уже кончились. Свет в посёлке не горел, и только небо было звёздное и ясное. Слегка дул южный ветерок. Белкин хотел встать и не мог. Его бросило снова на землю. Он, хватаясь за куст, выдавил из себя:

– Это тебе так не пройдёт, друг мой. Я Гришка Белкин и уважать себя заставлю всех. Ты узнаешь, кто из нас – чувырло.

Он скрипел зубами, старался подняться с земли. Боль пронизывала всё его тело. Тут до него донесся крик матери, которая искала его вот уже не один час.

В армию же их взяли вместе. И попали они как на грех в одну роту десантников. В одном из боёв в горах, когда им не пришла во время помощь полка, Максим Рубашкин был контужен, а Гришка Белкин поднял руки и сдался. Он ухватил своего врага за волосы и заглянул ему в глаза, дескать, ты теперь мой раб и никуда уже от меня не отвертишься. Он резко ударил по лицу Рубашкина и прошипел зло:

– Гадёныш, попался. Я теперь твой господин. Ты мне будешь пятки лизать. Я приму ислам, лишь бы тебе отомстить и твоей Гальке. У-у-у – сволочи, ненавижу.

Он ещё долго бы изгалялся над Рубашкиным, если бы не ударил его один из бандитов. Белкин пал на колени и закричал:

– С нами Аллах.

Бандиты выпучили глаза. Руководитель группы схватил его за шиворот и прошипел:

– Ты что, мусульманин?

– Пока нет, – прошепелявил Белкин, – но думаю вступить в ряды защитников ислама и сражаться на вашей стороне, где существует правда и справедливость.

– Шкуру спасаешь иуда, – прошепелявил один из бандитов с чёрной бородой и орлиным носом. – Вижу, ты – хороший гад. А это кто такой? Ты бьёшь его как своего личного врага.

– А он и есть мой враг. Девушку у меня отбил. Мы с ним из одной деревни. Это Максим Рубашкин – моя боль и унижение. Он меня в деревне так ударил, что я до сих пор не могу прийти в себя.

– Забудь её, она не твоя, если не прикипела к тебе душой и телом. Мы тебе прекрасную дадим девушку – горянку, если ты примешь душой и сердцем нашу веру и будешь хорошим воином ислама, отныне жизнь твоя принадлежит нам. А этот, – он показал на Рубашкина пистолетом, – будет твоим рабом во веки веков. Мы здесь хозяева и боги, что хотим, то и делаем.

Белкин от радости пустился в пляс. Он наносил удары руками и ногами по своему обидчику и был горд этому. Сердце его, прямо сказать, прыгало от радости и счастья. Гришка уверовал себя в том, что никто его уже здесь не достанет. Он принял для себя самое верное решение, может быть, раз в жизни, когда ему так повезло.

От боли и обиды Максим Рубашкин скрипел зубами, но сделать ничего не смог. Перед его глазами стояла мать со скорбным лицом и Галинка, которую он обожал пуще всего на свете. Он слышал слова матери:

– Максимушка, крепись мой дорогой и любимый сынок. Это не вечно. Скоро твой враг будет повержен. Терпи. Бог терпел и нам велел.

А его невеста стояла вся в слезах. Он слышал, как она шептала ему слова любви и верности. Ему нужна была сейчас поддержка, как никогда. И он её ощущал. Белкин же, войдя в раж, пытался отбить у Максима мужское достоинство, но Рубашкину, несмотря ни на что, каким-то путём удавалось сохранить его. Бандиту с чёрной бородой надоело смотреть, как избивают беззащитного парня. Он подошёл и резко ударил Белкина между глаз со словами: пора и честь знать – ублюдок. Мы ещё не знаем кто ты и можно ли на тебя положиться, а пока надо вселить в тебя страх перед нами, иначе нельзя. Ты может задумал против нас нехорошее, тогда берегись. Белкин завыл, и было в этом вое столько боли и обид на жизнь, что уже бывалые и отъявленные бандиты прослезились. А он понял это и давил на нервы.

– Вот тебе нож, иди и отрезай раненым головы. Этим ты заслужишь милость Аллаха, – сказал тот, что с бородой и орлиным носом.

Гришка весь побледнел, но всё же взял нож. Руки его дрожали. И весь он был вне себя. Максим поднял голову и прошепелявил разбитым ртом:

– Иуда, тебя ждёт петля. А моя деревня ублюдок, тебя и весь твой род проклянет. Будь в этом уверен.

Белкин встрепенулся, глаза его блеснули огнём ярости. Сверкнул магически нож, и в несколько секунд он уже был около головы Рубашкина. Занёс его над головой, и тут произошёл камнепад. Небольшой камень, пролетев с большой высоты, больно ударил Белкина по руке. Нож выпал, правая рука обвисла и начала резко опухать.

– Аллах против его смерти, – сказал тот бородатый, – успокойся, верни мне нож. А сейчас вы должны принять божественный дар – это ваше спасение от всех недугов.

Он вынул наркотики и стал одарять всех, кто желал кольнуться. Сам же их не употреблял. Белкин было воспротивился, но ему силой ввели дозу. Голова Гришки полетела. Он почувствовал, что он уже на небесах. А его враг Максим Рубашкин барахтается в грязной луже вместе с поросятами. Гришка с небес кричит ему, мол, ты смотри, где ты и где я. Потому что я велик. Я заслужил такой почести. Я не Гришка, а Григорий Белкин, прошу любить и жаловать. Гришка долго смотрел на своего врага, призывая таинственные силы, которые должны были его опрокинуть, но не тут-то было. Максим как лежал весь в крови, так и лежал. Вскоре все собрались, и гуськом один за одним, стали уходить вверх по горам, туда, где жили их семьи. По прибытию в небольшое селение Гришку определили в небольшой домик на краю.

Бородатый сказал ему:

– Здесь будешь жить. Вот убежище для твоего врага. Держи его там до тех пор, пока он тебе не поклонится в ножки. Это твой страж деревенский, который будет следить за всеми твоими действиями. Убьёшь его, поплатишься головой.

Гришка не мог понять для чего эти причуды, но бородатый был твёрд в своём мнении. И ему волей неволей приходилось кормить и терпеть у себя в доме своего врага. Потом он понял, что ему не доверяют и ждут от него великого усердия. Он вспомнил своё детство, когда он голодный и холодный пытался достучаться до сердец своих сверстников, но не тут-то было. Девчонки и ребята ни как не принимали его в свой круг. Он пытался с ними ругаться, временами дрался, которые были слабее его, кидался камнями, но всё безрезультатно. И вот однажды ребята избивали его. С тех пор он замкнулся в себе, и, как говорится, не подавал признаков жизни. Рос зачуханный и озлобленный на всех и вся, да к тому же ещё Галька Смородина надсмехалась над ним, а её жених Максим Рубашкин ударил его так, что боль не проходила до сих пор. Она, как злосчастный червь, источала его разум и сердце. Он не мог успокоиться, видя, что и в сырой яме Рубашкин живёт и не кашляет. Это-то и выводило Белкина из себя. Он бросал ему еду и вздыхал протяжно:

– И зачем я тебя только кормлю. Всё равно скоро издохнешь. Не поможет тебе и твой бородатый защитник. Я тебя изведу просто на нет. А Галька, я надеюсь, будет моей. Только я на неё никогда не женюсь, а растерзаю её как последнюю шлюху и выброшу на помойку, будь уверен.

– Гришка, скоро ты заплатишься за свои зверства, будь уверен. Бог-то он всё видит, – вздохнул Рубашкин. – В деревню ты, конечно, уже не приедешь, так и будешь жить в горах?

– А здесь что плохо? – ответил Белкин. – Мне нравится. Я на хорошем счету у руководства.

– Эх, Белкин, Белкин, видать тебя мало били в деревне, если ты таким стал.

Гришка заскрипел зубами:

– Сучий потрох, я тебя достану, что бы это для меня ни стоило.

– Тебя мой дорогой Гришаня повесуют, если на моей голове хоть один волос упадёт. Ты слышал, что сказал тот с бородой. Я ему чем-то приглянулся, не то, что ты. Эх, Гришка, Гришка, плохи твои дела. Скоро вас того, всех прижмут к ногтю, куда теперь свои бразды кинешь, неужто в Турцию?

– Это уж не твоя боль мой раб. Я как-нибудь сам позабочусь о себе. Теперь в любую мусульманскую страну меня примут. Я защитник веры Аллаха.

Максим терял всё больше и больше силы. Он уже самостоятельно не мог двигаться. Гришка брал его измором, кормил плохо и ждал, когда его злейший враг тихо и болезненно сойдёт на нет. Правда, он боялся бородатого, но игра стоила свеч – нет человека, нет и свидетеля. Белкин ждал, когда Рубашкин издаст последний вздох. Он уже приготовился праздновать похороны односельчанина, видя, что дела парня плохи. День два, может быть, неделю и его не будет. Гришка прислушивался к дыханию Рубашкина и его шевелению, но ничего не услышал и не увидел. Сделал себе инъекцию наркотика и спокойно лёг спать. А ночью напали федералы. Гришка очнулся, схватил автомат, несколько гранат и был таков. Он хотел добить Максима, но вспомнил, что он ещё вчера издал последний вздох, а значит и ничего не скажет о нём. Побледневший, но всё же радостный, что ему удалось скрыться, он со своим дружкой тоже предателем бежал. Куда, никто не знал.

Когда в селение ворвались федералы, Максим очнулся от тяжёлого почти клинического сна. Он издал мычание, которое было услышано одним из десантников. Схрон был вскрыт, и все увидели измождённого до такого состояния человека, что в нём трудно было узнать Максима Рубашкина, когда-то сильного и мощного война, который твёрдо держал в руках верное ему оружие. Он с трудом говорил, но всё же сумел рассказать о Белкине и его друге Затыжном, которые сумели улизнуть. Так Гришка Белкин и Ефим Затыжной оказались в международном розыске.

А Максим Рубашкин долго лечился в госпитале, здоровье никак не хотелось восстанавливаться. Мать ходила в церковь, молилась. Галинка приехала в госпиталь, где лечился её жених, и, увидев его, ужаснулась, но ни один мускул не дрогнул на её лице. Она улыбалась радостно и счастливо. И он понял, эта женщина не предаст его. На душе стало легче, и вскоре он пошёл на поправку. Через две недели его выписали. Он зашёл в свою часть, друзья приберегли для него автомат и несколько гранат. Он рассказал о Белкине и Затыжном.

Командир взвода старший лейтенант Яблоков, увидев Рубашкина, вздохнул, обнимая:

– Значит жив. А мы уж думали, что тебя эти бандиты зарезали. Есть у тебя ангел хранитель, но не забывай, что дьявол воплотил человека придёт за твоей душой и очень скоро. Ты куда сейчас собираешься?

– В деревню к себе, там у меня верная невеста, – ответил Рубашкин.

– Вот возьми автомат, винтовку с глушителем и гранаты, а когда уничтожишь Белкина и его друзей, сдай автомат и всё это в полицию. Если спросят, где взял оружие, скажешь в Чечне, но меня не выдавай.

– Ну, будь здоров, счастливого пути. Жив буду, заеду к тебе погостить, примешь?

– Слава, о чём речь, всегда пожалуйста, я буду очень рад, моя Галинка тоже, да и мама.

По приезду к себе в деревню, Максим узнал, что неожиданно-негаданно пропадают люди, когда уходят в лес, а куда никто не знает, был человек, и нет его.

«Белкин свирепствует, – мелькнула мысль, у Рубашкина, и он подумал, – жди злодея скоро в гости, наверняка он где-то близко. Не упустит желания отомстить мне и моим родным».

Он проверил автомат, винтовку и гранаты, всё было в полном порядке и готовое к бою. Максим хотел обратиться в полицию, чтобы обложили Белкина в его логове, но он не знал, где он находится, а говорить, что именно Гришка здесь свирепствует, пока не имело смысла. Не было никаких доказательств, а интуиция тут не в счёт. Нужны факты, а их не было. Только и было то, что исчезают люди. Конечно, это убийственный факт. Полиция была в курсе, но где их искать, никто не знал, а события развивались стремительно. Максим нутром чувствовал, что Гришка где-то совсем рядом. И боялся пропустить тот момент, когда он объявится и заявит о себе в полную силу. Для того, чтобы не пропустить этого момента, он завёл небольшую собачонку, которая бы просто гавкала на чужих, ведь никакая собака спасти хозяина и его семью от вооружённых бандитов не сможет. Ему нужно было, чтобы она подала сигнал и только. Конечно, Рубашкин понимал, что Белкин один жить не сможет, значит у него есть сообщники, но сколько их, вот вопрос. Он не находил себе места.

Жена Галинка говорила ему:

– Максим, побереги себя. Ты уже весь извёлся, похудел.

– Да как я могу беречь себя, если злейший враг, который не знает жалости, где-то около нас, но мы о нём ничего не знаем. Завтра я пойду туда, где заброшенный хутор, может быть, он там засел.

– И я с тобой. Я боюсь оставаться здесь в этом доме одна. Ночью он может нагрянуть сюда. Он меня не пощадит.

– Хорошо, но тебе будет очень трудно, дорога туда плохая, да и далеко.

– Я всё выдержу, ради нашего счастья. Я ж люблю тебя.

Они оделись потеплее, ночи были холодные и вышли. Жители деревни уже все спали. Сначала постояли около своего дома, прислушались, но всё было тихо, даже собаки не гавкали. Они зашли в лес и решили подождать до утра, чтобы не заблудиться, ведь дорога туда вся заросла. Днём Максим сходил в лес и сколотил небольшой шалашик, чтобы переночевать ночь. Они залезли туда и по одиночке немного поспали, а когда заалел восток, они встали, попили холодного молока с хлебом и пошли. На душе было грустно, какая-то тяжесть обволакивала всё тело: нужно идти, а может ждать его здесь в деревне, ведь он должен же скоро появиться. Но они шли и шли. Вот уже и день стал клониться к закату, надо искать место для ночлега. И тут они услышали далёкий лай собак. Сомнений не было – это на хуторе. Рубашкин понял, что это не охотничьи собаки, а сторожевые и притом голодные.

– Давай отдохнём, до хутора ещё очень и очень далеко, за ночь нам не осилить этот путь, – сказал Максим, обнял свою половину, и они, расстелив солдатскую палатку, улеглись спать.

«Неужели этот козёл там устроил своё логово? – думал Рубашкин, – видимо там ему живётся неплохо. А вот зачем ему собаки, это загадка. Незамеченным туда не подойдёшь, собаки выдадут наше присутствие. Беда, да и только. Ну, так как повезёт».

Он долго не мог уснуть, видения гор, где Гришка Белкин орудовал ножом, смахивая головы с наших ребят, кровь, злоба, ненависть всё это пришло к нему в этот вечер в чистом и первозданном виде, ворочался с боку на бок, вздыхал и только под самое утро сон смежил его веки. Проснулся, когда солнце уже окрасило верхушки деревьев. Максим встал, посмотрел на восток, перекрестился. Жена ещё спала. Вскоре она потянулась и стала одеваться. Рубашкин смотрел на неё с любовью и обожанием. Они поели и двинулись дальше. Дороги уже как таковой не было, и им пришлось идти напрямую, ориентируясь по компасу и карте. Правда карта

была для такой цели неподходящая, масштаб был не для этой местности, но всё же помогал. Максим, как бывший десантник и местный житель, неплохо ориентировался в лесу. Он нёс с собой снайперскую винтовку и автомат на всякий случай, если бандитов будет несколько. Всё резче и отчётливее слышался грозный лай собак. До хутора оставалось уже совсем немного. И тут они услышали душераздирающий женский крик. Молодая женщина в разорванном платье в крови, как безумная бежала по лесу, а за ней клацая зубами, неслись три огромных пса: немецкая овчарка, ротвейлер и ещё какая-то рыжей масти собака. До женщины уже оставалось несколько сот метров. Видя, что ей далеко не уйти от них, она бросилась к дереву, и только успела залезть метра четыре от земли, как тут появились и они. Собаки прыгали, пытались сдёрнуть её с дерева, но им не хватало всего несколько сантиметров, чтобы ухватиться за её ногу. Конечно, зрелище было не из приятных. Она кричала, молила бога, но всё безрезультатно. Хотела залезть выше, но сучья были срублены. Рубашкин вынул из мешка бинокль, сверил расстояние, расчехлил снайперскую винтовку, зарядил, на ствол надел глушитель и стал целиться в самую ретивую собаку. Выстрела не было слышно, только собака дёрнулась и затихла. Почувствовав живую кровь, две другие набросились на неё и стали грызть свежее собачье мясо.

Выйдя из домика, Ефим Затяжной прицелился в девушку из винтовки, но Гришка Белкин отвёл ствол в сторону со словами:

– Не порти эффект торжества. Эта ведьма чем-то убила мою любимую собаку, и она должна понести достойную кару. Ты убьёшь её, а толку? Нам надо увидеть, как собаки терзают её молодое тело, и всё это занести на плёнку, а потом, когда будет скучно, смотреть это кино и наслаждаться. Конечно, девушка красивая и очень молодая. Ей, наверное, ещё нет и восемнадцати. Мы её урвали не далеко от её дома, шедшую с автобуса. Хорошо, что рядом был лес, и никто нас не заметил.

Тем временем насытившись, собаки улеглись рядышком друг с другом, поглядывая на девушку и клацая мощными молодыми зубами. Девушка тряслась от страха. Она плохо соображала, что с ней происходит, рассудок терялся.

– Максим, добей остальных собак, спаси несчастную девушку, – сказала Галинка, – это Верка Рябцева из соседней деревни. Я её знаю, пропала с месяц назад.

– Сколько ей лет? – спросил жену Рубашкин.

– Кажется лет пятнадцать, шестнадцать.

– Сволочи. Насытились и решили девчонку скормить собакам, – вздохнул Максим. – Гришаня, не пройдёт твой замысел.

Он вскинул винтовку и стал целиться, но потом его вдруг осенило: нельзя, девчонку не спасёшь, и бандиты скроются. Рубашкин стал ждать. Ждать долго не пришлось. Вскоре на небольшой тропинке появились двое. У одного за плечами была снайперская винтовка у другого автомат. Это были Белкин и Затяжной. Они улыбались. Чувствовалось, что они под хорошим кайфом.

– Сучка, ты зачем убила мою лучшую собачку, – крикнул Белкин и стал целиться из автомата ей в руку, потом передумал и сказал, – спускайся, милая, я по тебе соскучился, пошли в домик.

Девушка, уцепившись обеими руками за сучок, не хотела слезать с дерева, у неё онемели руки от нервного срыва. Она хорошо понимала, что это её конец. Белкин и Затяжной улыбались. Гришка взял палку и стал шевелить кости объеденной собаки. И кто бы мог подумать, что огромная чёрная собака вдруг бросится на Гришку. Она мёртвой хваткой молодыми и мощными зубами вцепилась Белкину в плечо, медленно перебираясь к горлу. От боли и страха он нажал на спусковой крючок автомата. Вылетевшая автоматная очередь зацепила собаку и одна из пуль попала Затяжному в живот. Вторую собаку успел убить Ефим Затяжной. И вскоре от потери крови и резкой боли оба бандита потеряли сознание. Максим Рубашкин с женой

встали и пошли к ним. Они обшарили обоих, отобрали оружие. Рубашкин попытался привести Белкина в чувство. И когда тот открыл глаза, то сначала в них появилось удивление, потом дикий ужас, а после уже безразличие.

– Что пришёл за моей жизнью? – выдохнул он с присвистом. – Жаль не придушил я тебя в той яме. Не искал бы ты меня. Погулял я, теперь можно и умереть. Знаю, что в живых не оставишь. Эх, Максимка, Максимка, хороша у тебя баба да не досталась мне. Ещё бы с недельку ты бы не появился в деревне, и Галька была бы моя. Повезло тебе. Видать, ты мою собачку грохнул вот из этой самой винтовочки с глушителем, а не Верка. С этого всё и началось. Обидно, до слёз обидно. И везде ты козёл стоишь на моём пути. Эх, деревня, деревня, никакой радости нет. Может быть, на том свете мне больше повезёт.

– В аду тебе гореть синим пламенем, – вздохнул Рубашкин и расправил свои широкие плечи, – Вера, слезай. Опасность миновала. Гришка, я грохнул твою собачку, я. Уж больно она была ретива.

От этих слов Белкин потерял сознание, а может просто притворился. Вера Рябцева повисла на груди Максима, рыдая взахлёб. Она не могла даже понять, что она жива и может свободно говорить.

– Максим, убей их, убей! – кричала она, схватив автомат Белкина. – Я не могу их видеть. Это не люди и даже не звери. Это-о-о что-то-о страшное.

Она не могла говорить. Слова застревали в горле. Русые волосы девушки растрепались, руки дрожали. Галина обняла девушку, шепча ей на ухо ласковые слова:

– Вера, успокойся, всё уже позади. Эти мерзавцы вскоре понесут заслуженное наказание. Их будут судить. Столько дел натворили. Сколько людей в своей дикой злобе скормили собакам. Рябцева тебе очень повезло, что мы с Максимом подоспели вовремя. У тебя есть ангел хранитель.

В это время Вера думала о своём, мол, зачем эти изверги будут жить. Их ждёт лютая смертная казнь, и я это дело проверну. Ох, как проверну. Она во всём соглашалась с женой Рубашкина, а мысли у неё уходили к мести. Девушка знала, где и что у них находится. Фильмы, которые они смотрели, как их собаки рвут живых людей, приводили её в ужас. Порой она теряла сознание, но эти бандиты умели приводить её в чувство.

– Ну, что, девушки, будем с ними делать? Домой нам их не утащить. Здесь оставлять опасно, дикие звери, почуяв кровь, могут наведаться сюда. Связи с деревней или полицией никакой, – сказал Рубашкин. – Я думаю, давайте переправим их в дом, и сообщим, куда следует, пусть их судят. Мне Белкин много принёс горя, я чуть не умер в его яме, но пачкать свои руки об него я не хочу.

«Зато я испачкаю свои руки с удовольствием», – подумала Рябцева, но ничего не сказала. Лицо её изменилось. Она злобно сверкнула карими глазами, будто приговорила раненых к смертной казни. Душа её, как вулкан, кипела от негодования. Рубашкин взглянул в её лицо и ужаснулся, подумав:

«Эта девочка ни перед чем не остановится. Беда, если эта злоба и боль останется в её душе на всю жизнь. Эх, Белкин, Белкин, из какого ты племени вышел? Вроде свой парень деревенский, а что ты вытворяешь? Голова идёт кругом. В твоей башке, видимо, бес сидит. Мне кажется жить тебе осталось недолго. Эта девчонка сведёт с вами счёты. Вон как горят её глаза. В них нет жалости и пощады. Так что Гришка ты не в ту степь залез».

Эти мысли его долго бы ещё мучили, но надо было возвращаться в деревню, закончился запас пищи и воды. Он пошёл в дом, где жили бандиты, и стал осматривать его. Собрал камеры, которые с таким удовольствием по вечерам просматривали Затяжной и Белкин, вышли во двор, там увидели носилки. Максим проверил их и убедился, что они годятся для переноса раненых в дом. Так эти два товарища по криминалу снова оказались на своих железных койках, но уже не в силах что-то предпринять, что-то переделать. Временами, придя в себя, они хотели

покончить жизнь, но их руки были связаны проволокой, которую Рубашкин нашёл в их доме. Вскоре группа из трёх человек отправилась домой. День клонился к закату, солнце повисло над верхушками высоких елей, готовое вот-вот упасть за горизонт. Максим, и две женщины шли по компасу к своей деревне. Но вот опустилась темнота. Рубашкин остановился около небольшой сухостоины, скинул рюкзак и сказал:

– Привал, девушки, заночуем здесь.

Он вынул топор и стал готовить дрова на костёр. Когда появился огонь, тьма окончательно нависла над лесом. А невдалеке на высокой сосне Вера Рябцева увидела зеленоватые, отдающие краснотой зеленоватые огни, потом послышалось шипение, и Вере показалось, что оттуда доносятся слова: «Висшу, пляшу, матке скасшу». Рябцева задрожала и прижалась к Максиму.

– Вера, не бойся, это филин наводит свой порядок, – сказал Максим, – давайте поедим, что бог послал и спать. Путь до нашей деревни неблизкий, надо экономить силы. А этих бандитов, я думаю, должен забрать вертолёт, на машине сюда не пробраться.

Нарубив зелёных веток и устелив их на землю, Рубашкин лёг спать. За ним легли и женщины. Вскоре послышался храп уставших людей. Когда забрезжил рассвет, Максим пошевелился. Он внимательно взглянул на своих спутниц и с ужасом увидел, что нет Рябцевой. «Неужели она там, – думал он. – Ай, да девка, простить не может. Может, это и правильно. Я – мужчина им тоже не простил, только я хотел, чтобы их судили, а она женщина более импульсивна». Услышав, что уже поднялся муж, зашевелилась и Галина.

– Где же Верка? – спросила она.

Максим только пожал плечами. Он набрал полные лёгкие воздухом, и его голос загремел. Эхо разнеслось по всему лесу и отозвалось а-а-а. Но всё было тихо. Девушки нигде не было.

В это время Вера Рябцева шла к хутору. Она ещё не знала, что будет делать, увидев тех, кто в течение почти целого месяца издевались над ней, придумывая всё новые и новые способы секса, от которых у девушки всё болело внутри. Отвращение и боль пронизывали всё её существо. Сейчас её будто кто-то толкал в спину. Она безошибочно вышла к дереву, где эти два бандита устраивали свои спектакли при кормлении собак. Солнце вышло из-за горизонта, и на душе у девушки стало веселей. Вера посмотрела на убитых собак и горько, горько заплакала. Груз тяжести отпустил её, и слёзы потекли градом. Рябцева легла на землю и долго смотрела в небо, провожая взглядом тучи с севера на юг. Сколько времени девушка так лежала, она не помнит. Очнувшись от карканья чёрного ворона, который почувствовав падаль, сел на верхушку дерева. Она встала и пошла к дому, где лежали раненные бандиты. Они стонали и просили пить. Когда она открыла дверь, первым открыл глаза Белкин и простонал:

– Вера, это ты. Я знал, что ты меня не забудешь. Это над тобой издевался Затяжной, спаси меня, я тебе буду верным мужем. Я тебя на руках буду носить. Ты видишь, я ещё довольно молод, чтобы вот так за не понюшку табака умереть, ведь мы почти из одной деревни. Считаю, может быть, наши предки были в кровных связях, и только время могло разъединить нас. Вера, ласточка моя, спаси, я жить хочу.

Девушка на сердечные позывные Гришки не отвечала. Она вышла во двор, взяла канистру бензину, зашла в дом и стала медленно поливать пол, испытывая при этом великое наслаждение, потом подошла к Белкину облила его, затем Затяжного. Гришка заревел навзрыд, Затяжной молчал и скрипел зубами.

– Верка, не бери грех на душу – это великий грех, который не отмолим, – кричал он. – На том свете будешь кипеть в котле смолы.

Вера нашла спички. Бензин растекался по полу. Она открыла дверь и вышла, чиркнула спичку и горящую бросила в дом. Произошёл хлопок, и огонь, выдавив стёкла, выплеснулся на улицу. Девушка бросилась бежать, и тут она повзрослела и осознала, что сделала. Но было поздно. Охваченный огнём, дом догорал. Вскоре вспыхнули и остальные два.

В это время Максим Рубашкин залез на высокую ёлку и стал осматривать в бинокль горизонт, где находился хутор. Увидев дым, он догадался, что это Верка Рябцева запалила избу, где они оставили раненых. Он слез и рассказал увиденное жене.

– Часов через шесть, семь она вернётся, будем ждать, – сказал он. – Давай поспим, рано ещё.

Где-то к обеду уставшая, но счастливая, девушка вернулась к костру. В это время, притворившись спящими, Максим и его жена Галина лежали тихо, почти не дыша. Девушка, свернувшись калачиком, тут же заснула счастливым сном.

– Пусть часок другой поспит, – сказал Рубашкин жене, – устала бедная, ей ещё придётся оправдываться перед нашим правосудьем, но я думаю, мы её не выдадим.

По прибытию в деревню, Максим сразу пошёл в полицию. Он сдал оружие и вещественные доказательства вины Белкина и его дружка Затяжного. Когда стали проверять плёнки, многие не могли сдержать слёз, видя, как собаки рвут людей, стаскивая их с дерева, которое бандиты оборудовали под место казни.

Через два дня Максим Рубашкин и его друг Фёдор, с которым они дружили с детских лет, взяв бензопилу и топоры, отправились снова к хутору, но уже сгоревшему. Они свалили это дерево, распилили на части и зажгли огромный костёр, затем отыскав стройную ёлку, сделали из неё большой православный крест, и установили его на месте гибели наших людей.

Несказанное слово

В красный уголок, где должно было проходить профсоюзное собрание, Михаил Петрович Баженов пришёл загодя. Он сидел, хмуро подперев тяжёлую голову правой рукой. Кабинет был большой, светлый, трибуна, обтянутая красной материей, сколько раз служившая ему опорой во время выступлений, казалась сейчас ему незнакомой и какой-то чужой. А мысли не давали покоя: «Наставник – лицо цеха, смалодушничал. Из-за тебя чуть не погиб молодой парень. Ведь видел, что нарушают технику безопасности и промолчал. Нет бы первый раз одёрнуть, так не хватило смелости. Допустил позор на свою седую голову. Каков был день, чистый, солнечный. Снег скрипел и искрился. Лёгкий морозец пощипывал за уши. Лёшка Голубев – составитель вагонов с лихо заломленной на ухо шапкой, держась за поручни вагона, отмахивал машинисту Сидорову. А я в это время сидел у себя в кабине тепловоза в виде стороннего наблюдателя. Зачем? Почему допустил лихачество, повлёкшее за собой чуть ли не трагедию. Ведь стоило только выйти, крикнуть построже им, как они бы прекратили играть в прятки со смертью. Одно слово и вот. Но этого не случилось. Чего мы боимся? Чего? Оказаться в глазах товарищей слишком назойливыми? О-о-о! Какая близорукость, видеть это безобразие и молчать. Машинист Василий Сидоров разгонял тепловоз и резко тормозил. Лёшка в это время успевал подбежать, расцепить сцепку, пустив по одному пути вагоны, по-другому тепловоз. Да нужно было ещё перевести стрелку. – «Быстрота манёвра и никаких задержек», – кричал Голубев и улыбался. А я – старый пень, смотрел на эти выкрутасы сквозь пальцы, хотя знал, что плохо может кончиться. К тому же ещё дежурная по станции Лидия Воронцова, драла глотку, словно войдя в раж. Голосина у неё будь-будь гремит как медный колокол на всю округу, да если его усилить ещё динамиками селекторной связи... Эх, мужички! Надо ж так случиться в самый последний момент оскользнулся Лёшка при переводе стрелки и упал на рельсы. Вагоны, пущенные без управления, разнесут всё на своём пути. Как напугался Лёшка, как закричал. Меня из кабины выбросило, словно взрывной волной. И как раз вовремя. Парень-то молодой, только что с армии прибыл. Лежит на рельсах, бушлатишко-то солдатский задрался, и лица не узнать. Сам не знаю, откуда у меня такая прыть взялась. Не помню, как оказался рядом. Рванул его за бушлат. И мы упали около рельсов. Состав, стуча на стыках, проскочил дальше. Ух, и бил меня озноб, зуб на зуб не попадался. Лёшка тоже весь дрожал. Мастер, будто назло, тут подвернулся и загремел, мол, ты Михаил Петрович, куда смотрел за этим безобразием? Профсоюзное собрание будет разбирать действие наставника молодёжи Баженова. Разве мало ты сам ошибался, и другие рядом с тобой. Неужели война тебе Михаил Петрович ничего не дала? Ну ладно, тогда тебе было семнадцать лет, да и был ты не машинистом, а помощником. Время-то, время какое было, чуть оступился, нарушил инструкцию, проявил слабость, и вот уже нет на плечах головы. Одним словом – война. Машинист паровоза Иван Филиппович Жигулин – душа человек, вёл тогда состав с горючим. Духота была невыносимой. Слепни не давали покоя даже в кабине. Паровозишко выбивался из сил. Охраны никакой. Кочегар у топки замотался бросать берёзовые чурки. Он обливался потом. Выйдет на тендер, плотнёт свежего воздуха и опять к топке. Я к нему тогда, дескать, Володя, отдохни. Он только глаза пучит и говорит, что у тебя своя работа есть. Из деревни был, молодой, но сильный товарищ. Машинист Жигулин ещё удивлялся тогда: «Володя, ты что ли двуличный? Отдохни. Михаил, к топке! Помоги кочегару». А у меня откуда силы-то возьмутся – семнадцать лет. Работал до изнеможения, хныкать некогда. Потом привык. Жигулин не кричал, не ругался, а взглянет, было – стыд пробьёт до самого донышка. Такой мужик – редкость: совестливый, честный, справедливый. Век не забудешь. Может быть, излишнее его добродушие и подвело тогда на станции Колежма. Он посадил капитана на паровоз, хотя нам было запрещено. Может быть, на него подействовала нашивка за тяжелое ранение на груди у капитана. Он осмотрел,

конечно, с ног до головы капитана и, видимо, остался доволен. А потом, как выяснилось, капитан оказался врагом. Прихрамывая на левую ногу, он тащил в руке небольшой чемоданчик, в котором была мина. Если бы тогда Жигулин выполнил инструкцию. Хорошо, что всё тогда окончилось благополучно, а могло быть, могло. Редкая случайность спасла нас и паровоз с горючим от гибели. И всё из-за нарушения инструкции. Не хотелось думать, что в облики советского капитана скрывается ярый диверсант, который способен на отчаянный шаг, лишь бы нанести вред врагу. Какие у капитана глаза – сталь, да и только. Посмотрит, мурашки по коже идут. Если на противника обрушит, что тогда? Подошёл он к нам тихо, мирно. В голосе была неподдельная мольба. Кто не поймёт, почему человек рвётся в свою часть, где начал воевать с врагом и откуда попал в госпиталь. Чёрствое сердце и то отгадет. Человек рвётся на фронт защищать Родину, его товарищи там, в пекле войны, а мы вдруг будем чинить преграды. Мне казалось, что он парит над землёй, не выпуская из-под своего взгляда ничего, как и подобает Советскому офицеру. Правую руку он держал в кармане. Солнце нещадно жгло, но он не обращал внимания. Мелькали станционные будки, столбы, деревья, поля. Спереди надвигался сосновый лес, откуда несло распаренным запахом смолы. Состав врезался в лес, словно в тоннель, повесив над кронами зелёного массива чёрное облако дыма, которое медленно рассасывалось, таяло в полуденном зное. Капитан, похлопав по плечу машиниста, сказал:

– Брат, притормози, не могу после ранения, а может быть, что съел несвежее.

Он страдальчески хватался за живот, делая над собой великие усилия. Лицо его исказила гримаса боли. Надо быть великому артисту, чтобы так оригинально сыграть роль страдальца. Нет, комар носа не подточит в его поведении. Свой чемоданчик он оставил в кабине паровоза, а потом чемоданчик куда-то пропал. Солнце вошло в зенит. Я с удовольствием ходил по траве, вдыхая аромат леса. Увидев красивую большую бабочку, хотел было побежать за ней, как в детстве, но вдруг одумался – взрослый ведь, засмеют ещё. Жигулин смотрел на меня отцовскими глазами, вздыхал. О чём он думал, догадаться не трудно. А мне было приятно отдыхать на лоне природы. Прошло примерно минут двадцать, а капитана не было. Куда он запропастился, куда? Мы стали по очереди кричать ему, но всё безрезультатно. Он как сквозь землю провалился. Я уж грешным делом подумал, не схватили ли его кто? Ждать было уже бесполезно. И тогда машинист решил оставить чемоданчик на высоком пне, чтобы со всех сторон было видно. Стоять нам было некогда. Мы стали искать чемоданчик капитана, а он как сквозь землю провалился.

– Мишка, наверное, мина. Ищи чемоданчик быстрее, – крикнул тогда машинист, догадавшись, что произошло. Мы обыскали всё, но чемоданчика не было. – Напряги слух, может, услышишь часовой механизм.

Я напряг слух и тут услышал в дровах: тик, тик, тик. Часовой механизм мины подавал голос. Раскинув дрова, я схватил чемоданчик и выскочил с паровоза. Помню, как поставил его на пенёк и вернулся. Паровоз, выплюнув огромное облако дыма и пара, тронулся. Нелегко ему было тянуть в гору тяжёлый состав. Он задыхался, выжимая из себя последние силёнки, как вдруг сзади, оглушив окрестность, раздался сильный взрыв. Горячая струя воздуха, пахнувшая тротилом, качнув переполненные цистерны с горючим, прошла около состава.

– Сволочь! Как я его не мог раскусить, – ругался машинист, – прикинулся инвалидом. Эх!

Но дело так не кончилось. Не хотел видно враг опускать жертву, выпрыгнувшую у него из силков, послал по радиации бомбардировщиков на состав, который вёз горючее. И началось. Осколки хлестали по цистернам, не причиняя им особого вреда. Иван Филиппович смотрел в небо и грозил лётчикам кулаком.

Немцы с ожесточением бросали бомбы на состав, но в цель попасть не могли. Чем бы это всё кончилось, если бы нам на помощь не подоспели наши истребители, догадаться не трудно. Два бомбардировщика ткнулись в поле рядышком друг от друга. Состав тоже поплатился. Последняя цистерна вспыхнула ярким пламенем. Жигулин притормозил состав. Я спрыгнул

и, задыхаясь от жара, всё же отцепил горящую цистерну. Дыхание у меня перехватило. Думал, что сам вспыхну свечой. Слава Богу, пронесло. Успел зацепиться за поручни цистерны, когда Иван Филиппович погнал состав вперёд. Мы увидели, как огромный столб пламени полыхнул в небо. Да, ситуация была неважной. Машиниста, кочегара и меня трясло. Паровоз шёл и шёл, вода есть, дрова жарко горят, а навстречу бежит железнодорожное полотно, холодно сверкая металлическим отливом».

Иван Филиппович выдохнул тогда:

– Вот что такое нарушение инструкции и приказа. Мишка, если тебе придётся самому вести составы, будь твёрд. Ты понял, во что обходится наше слабоволье. С этим типом мы ещё встретимся. Машинист и помощник были уверены, что он русский и где-нибудь пристроится. Конечно, сомневаться, что он был русский, не было причин. Баженов хоть и молод был, но чувствовал, улавливал в его поведении что-то русское. Кто он? Здесь жил после гражданской войны или жил за кордоном, а сейчас пришёл к нам вместе с войсками Гитлера. Такой человек идёт на всё. Он ждал встречи и боялся её. Пощады от него не будет, как не проси. Ошибиться – значит потерять голову. Михаил много передумывал вариантов, как будет действовать при встрече с ним. Чем смелее, тем лучше. Их состав сновал туда, сюда по дорогам Советского Союза, и случай, произошедший с ними, начал забываться. Как говорится, гора с горой не сходится, а человек может. Баженов не думал, не гадал уже, мало ли разных ситуаций на войне. Возвращаясь из поездки, он дремал. Жигулин гнал паровоз на всех парах. Маленькую станцию их состав должен был пройти мимо. На какое-то мгновение Михаил открыл глаза, чтобы посмотреть на станцию. Паровоз летел на воинский эшелон. Расстояние быстро сокращалось. «Стрелка», – крикнул он вне себя. Иван Филиппович резко затормозил поезд. Оставались считанные метры до столкновения. У Баженова мурашки пошли по телу. Из другого поезда выскочил полковник с пистолетом, а за ним несколько офицеров. Он, заикаясь, выдал из себя, схватив машиниста за грудки:

– Не видишь, куда прёшь – вражий прихвостень. К стенке!

– Если бы не видел, не остановил бы. Кто перевёл стрелку на ваш эшелон? – сказал Жигулин.

– Дежурного ко мне! – рявкнул полковник.

И несколько офицеров скрылось в здании. Выволокли дежурного.

Прихрамывая на левую ногу, бледный дежурный изрёк:

– Стрелочница переводила стрелки. С неё и спрашивайте. Я не могу за всеми уследить, – оправдывался он.

В сопровождении двух офицеров появилась девушка лет семнадцати-восемнадцати на смерть перепуганная. Она плача пыталась что-то объяснить, но её не слушали. Диверсия была у всех на устах. Невдалеке стоял дежурный. Он уже отошёл от стрессового состояния, и теперь в глазах его была сталь. «Вот так встреча, – пронеслась у Баженова шальная мысль, – да это же тот капитан, что подложил нам мину. Не дурно устроился». Девушку уводили всё дальше и дальше. Вот уже её затолкали в вагон.

– Стойте! – выдохнул Михаил от переполнявшего его гнева, обращаясь к полковнику. – Вот он диверсант!

Их взгляды встретились. Зажатый офицерами, в бессильной злобе диверсант выплёвывал слова:

– Да что же это такое? Верят всякому щенку. Оклеветал меня и стоит, как будто, так и нужно. Я ни в чём не виноват, не виноват!!! Я честный человек.

– Разберёмся, – хмуро выдавил из себя полковник, – увести. Девушку отпустите.

Стрелочница, как оказалось Валя Иволгина смотрела на своего дежурного, который так лихо её подставил, то на Баженова. А он боялся смотреть на неё. Шуточное ли дело, девушка

так смотрит на тебя, как на что-то диковинное. Сердце стучит, словно на него нагрузили целую тонну. Оно вот-вот задохнётся и остановится.

Жигулин, не скрывая своей радости, подошёл к диверсанту и прошипел:

– Напрыгался, гнида вонючая. Не мог я тебя тогда разгадать, а жаль. Сделал бы мокрое место. У, мразь!

Он хотел его ударить сапогом, но его остановили:

– Не смей! Он нам нужен живой, а ты расскажи всё что знаешь.

Солнце клонилось к закату. Два офицера уводили диверсанта. Он, припадая на левую ногу, не спешил. Машинист и помощник пошли к паровозу. Баженов оглядывался назад, где стояла испуганная девушка с большими голубыми глазами и толстой русой косой. Думал о ней, вздыхал, но шёл, потому что было нужно. А сердце так и рвалось обратно к ней. И он не выдержал, подбежал к ней, взял её за руку, заглянул ей в лицо и произнёс:

– Я найду тебя. Ты запала мне в душу. Как твоя фамилия, имя, отчество, чтобы я мог писать тебе. Девушка дала свои координаты, улыбнулась счастливо и позволила себя поцеловать. «А я оказался негодяй, – вздыхал в минуты слабости Баженов. – Вскоре, я забыл о ней. Больно мне, но что поделаешь. Не стойкий оказался. А время шло. И вот сейчас я часто вспоминаю эту встречу и шепчу»:

– Валя, птичка, песня моя неспетая, сшившаяся мне каждую ночь пока шла война, снова я вижу в твоих глазах боль и страдание. Где ты? Как сложилась твоя судьба? Война дала нам шанс встречи, и она же разлучила нас.

Дверь отворилась. Кто-то включил свет. Баженов повернул голову.

– Ты уже здесь? – спросил председатель профкома. – Что сидишь без света?

– Думаю.

– Ну и что?

Зал наполнялся людьми, скрипели стулья, раздавались приглушённые голоса. Баженов смотрел в зал, слушал, что говорит машинист Сидоров и составитель Голубев. У него от этих вязких слов зануло в левом боку. А перед глазами снова возникло искажённое страхом лицо Лёшки Голубева. «Они меня защищают, – сквозила в мозгу мысль. – А зачем? Разве я не виноват в случившемся!»

– Михаил Петрович – не нянька, чтобы следить за нами, – выкрикивал Голубев с места, – мы все взрослые люди и должны сами соображать, что можно, а что нельзя.

Его перебивали, дополняли, уговаривали, но составитель стоял на своём. И от этих слов у Баженова начала кружиться голова. И тут во весь свой небольшой рост, сверкая голубыми глазами, выплыла в памяти Валя Иволгина.

– Что язык присох? – говорил её взгляд. – И меня ты не нашёл из-за своей нерешительности, хотя твёрдо знаю что любишь меня до сих пор. Может скажешь, что в войну ты был другим. Так то была война. Почему тебя выбросило из кабины спасать человека? Молчишь! Признать свою ошибку при всех труднее, чем броситься в огонь.

Она тряхнула русой косой, медленно удаляясь всё дальше и дальше, где была полуразрушенная станция.

– Михаил Петрович, – услышал он голос председателя профкома, – что вы скажете по этому делу?

Баженов обвёл всех присутствующих взглядом и увидел сочувствие.

«Всё прошло, – подумал он, – стоит ли открывать свою душу».

– Ведь ты увидел происшествие только в последний момент, когда Голубев подвигнул ногу и упал на рельсы? – продолжал председатель, – ты, рискуя своей жизнью, бросился на спасение человека. Это геройство. Не каждый бы так поступил.

«Нет – это нарушение инструкции, я должен был прекратить лихачество, которое чуть не привело к смерти. Мастер прав. Не заливайте мне уши елеем», – хотел было сказать Баже-

нов, но промолчал. Он глубоко вздохнул, весь побелел и, схватившись за грудь, хватал воздух широко раскрытым ртом.

Трагический обман

Нина Галактина все эти годы пока училась в медицинском институте ждала того момента, когда самостоятельно выйдет к больному. Она прошла стажировку с опытным врачом, который дал ей очень многое, главное не падать духом при виде больного или умирающего. Практика в медицине – великое дело. Теперь Нина была уже, как говорится, подкована, и могла самостоятельно ездить с медсестрой на вызова, а если транспортировать человека, нужна бригада. Она думала, как глянет в его глаза и что ему скажет. Вот он перед тобой, ждущий от тебя помощи, и его боль проникает в тебя. И ты ищешь выхода из создавшегося положения, потому что тебе самой больно. Это такой момент, когда ты ещё не знаешь, что с ним, просто кожей чувствуешь, всем организмом его боль. И тебе становится за него страшно. Потом ты ведёшь исследование, и болезнь выяснена, остаётся одно – назначить лечение. Главное – не ошибиться в диагнозе, а не то всё лечение пойдёт насмарку.

И вот это время настало. Свой родной город, где родилась и выросла, как бы приветствовал её. Она с нетерпением ждала своего первого выхода к больному. А смена ей, как назло, досталась в праздник, и какой? Да День Победы. Вызовов скорой помощи было очень мало, но и те только престарелых людей. Галактина, хотя и малоопытный врач, но институт окончила с отличием, и в голове было много теоретических знаний. Она не боялась, что сделает ошибку. Человек не безгрешен, есть опытные врачи, которые в любую минуту придут тебе на помощь. Её отец генерал – майор в отставке хотел, чтобы она пришла на торжество, посвящённое Дню Победы, ведь к нему в этот день съедутся родные и близкие. Но что тут поделаешь, такой праздник, а у неё смена.

Она смотрела в окно, где около здания скорой помощи шелестела тополияная аллея и где сновали по веткам вёрткие воробьи. А дальше её взгляд тянулся на тротуары и улицы, украшенные праздничными флагами. Здесь всё ей было знакомо с детства. На душе было светло и радостно: она опять среди друзей и знакомых, и эти улицы ей как то помогают, поддерживают. Конечно, в таком случае и Нина хотела показать себя с лучшей стороны. Сейчас она тщательно готовилась к своему первому самостоятельному выходу к больному. Каким он будет этот первый выход, какие даст задатки всей её работе в будущем? Галактина накинула на плечи малиновый плащ – подарок отца, вышла на улицу, где её ждала машина скорой помощи.

Светило яркое весеннее солнце, пели птицы. Налетавший порывами лёгкий ветерок трепал её русые волосы. Она улыбалась своему счастью и весне.

По тропинке, где она шла к машине скорой помощи, бегали скворцы, выискивая для своего домика: шерсть, пух, траву. Чёрное оперение сверкало на солнце металлическим отливом.

Нина твердила про себя:

– Улица Ленина, дом 5, квартира 6. Королёв Иван Михайлович. Это же друг отца. Разве можно болеть в такой день?

А день был словно по заказу: тёплый, солнечный, ласковый. И она шла и пела. Что волноваться? У неё есть всё. Главное любовь. Игорь Зозуля уже главврач больницы, и скоро у них должна состояться свадьба. Разве плохо, когда у двух любящих сердец общие взгляды, общие интересы.

Нина вошла в подъезд. Своеобразный запах дома дохнул на неё, и она вспомнила его. Это был её запах – запах детства и счастья. Когда-то отец частенько заходил сюда. И она обрадовалась предстоящей встрече с родными людьми. Конечно, она знала, что даже подъезды по своим запахам отличаются друг от друга. Ну что ж! Это, может быть, и хорошо. Человек, побывавший на чужбине, сразу ощущает себя в родной стихии, если почувствует знакомый ему с детства запах.

«Кажется, всё забыто, – думала она, – и вот на тебе! Оказывается, даже запах помню». Она позвонила в дверь, ей открыли.

– Где больной? – спросила она с напускной серьёзностью, придав лицу строгое выражение.

– Проходите, пожалуйста. Мой дед лежит в спальней, – ответила жена Королёва, а потом вскрикнула: – Нина, ты! Ну, здравствуй! Как же ты изменилась! Подумать только! Боже, даже институт уже окончила. Кажется, давно ли была совсем малышкой. Ещё мой дед тебя на руках бросал. А ты визжала от восторга и радости.

– Годы летят, Мария Ивановна. Что с ним с Иваном то Михайловичем?

– Не знаю, доченька, кажется, сердце.

Галактина не сказала ничего. Она уже сжалась, припоминая изученное в институте по сердечно – сосудистым болезням. Она почувствовала, как всё внутри заглохло, потом отошло, голова стала ясной.

– Нина, – услышала она слабый голос Королёва, – это ты?

Она вошла в комнату и, увидев Ивана Михайловича, ужаснулась, как же он изменился во время болезни, ведь ещё совсем недавно был бодр и жизнерадостен, а теперь что? Губы кривятся от боли. Не узнать того Королёва, который будто бы совсем недавно играл с ней, и она цеплялась ему за шею.

Нина села на стул рядом, взяла его руку, стала прощупывать пульс. На глазах появились слёзы. Сделав всё необходимое в таком случае и заглядывая в его глаза, спросила:

– Иван Михайлович, тебе больно?

– Ничего, доченька, уже проходит. Ты – то как живёшь? Отец как? Давно я его не видел.

– Я хорошо. Вот видишь, приехала. Выздоровливайте побыстрее, Иван Михайлович. Скоро у нас с Игорем свадьба, как же без вас-то с Марией Ивановной? Вы же нам не чужие.

– Спасибо, Нина. Выздоровею – обязательно приедем. Лукьян-то, как рад, наверное, что ты приехала?

Галактина улыбнулась одними глазами, сделала всё, что нужно и вышла со словами:

– Иван Михайлович, не расстраивайся. Всё будет хорошо. Подлечим тебя, и снова будешь бегать. Это уж как пить дать. Будешь жить до ста лет.

– Ну что с ним? – встревоженно посмотрела на врача жена Королёва.

Нина отвела женщину в другую комнату, прикрыла за собой дверь и прошептала:

– Плохи его дела. Ему нужен полный покой. Похоже на инфаркт. Я сейчас позвоню главному врачу больницы. Он мой будущий муж. Сделаем всё, что от нас зависит.

– Нина, уж ты постарайся.

– Мария Ивановна, миленькая. Всё будет хорошо. – Она своей бригаде сказала: – Берите носилки и в больницу. У него инфаркт.

В голове её стучало: инфаркт, инфаркт. Она боялась этому верить, думала, в больнице проверят опытные врачи, и всё будет хорошо.

Бригада с большой осторожностью вынесла больного, и машина понеслась к больнице.

– Зачем привезли? Мест нет, – встретили их в больнице, – да и не можем мы его принять без главного врача.

– Вызовите его по телефону. Порядочки! – возмутилась Галактина и хотела уже наговорить грубостей, – я сама с ним поговорю, похоже на инфаркт.

Главврач ответил сразу, сказал, чтобы она не волновалась. Место для её больного будет. Нина улыбнулась: мол, хорошо, когда рядом такие прекрасные люди как её Игорь. Они всегда тебе помогут, объяснят.

Нине сейчас казалось, что каждая травинка льнёт к ней, ласкается. А счастье само идёт к ней в руки. Правильно она сделала, что вышла в праздник на работу. Пусть Игорь рассердился на неё за это, но что поделаешь, разве можно свой первый рабочий день кому-то отдать. Мог бы

он и подменить, что ему. У него кругом связи и блат, а блат выше наркома. Он теперь ждал её дома и к будущему тестю идти один не хотел. Он ругал Нину за её сумасбродство, дескать, упрямая, разве так можно делать? У меня всё в руках, и вот срыв. Эх, упрямица, упрямица!

Зозуля был высок и строен. Широкие плечи и сильные руки, покрытые тёмным волосом, выводили женщин из себя. Глядя на него, многие из них просто не могли найти слов, но Игорь был глух к их восторженности и всплескам. Он знал себе цену, поэтому, когда на горизонте появилась Нина Галактина, Игорь сразу почувствовал учащённое биение сердца, да ещё узнал, что отец Нины генерал, правда в отставке, но связи у него должны быть капитальные, а значит и продвижение по службе ему обеспечено. Ему хотелось взлететь, и душа была уже готова к этому взлёту.

Кончилась смена, и Галактина с весёлым настроением пошла домой. На улице её уже ждал Игорь, с которым они должны были идти и продолжать праздник. А познакомились они на свадьбе у подруги. Зозуля, высокий и галантный, слегка пьяный подошёл к ней и заговорил. Потом они долго танцевали, и под самое утро он проводил её домой. Игорь поразил её как мужчина, хотя был на много лет её старше. Но он сказал, что много лет ждал именно такую женщину, как Нина и наконец-то дождался и сразу влюбился. Девушка была в восторге от такого парня, да ещё главного врача больницы.

– Ну, как твой первый день? – встретил её словами Зозуля, выходя из-за угла дома. – Я уж жаждался тебя.

– Устала немного, переволновалась.

– Ничего привыкнешь, вначале всегда так, – усмехнулся Игорь.

Нина, взяв его под руку, осмотрела обоих, какое впечатление они производят на людей, и осталась довольна – пара, что надо. Оба молодые, полные сил и красоты.

– Молодёжь пожаловала. Ну, здравствуйте. Давно ждём, – приподнялся из-за стола отец Нины, – как там?

– Плохо, папа, – ответила дочь, – у Ивана Михайловича по всем данным инфаркт. Я его отвезла в больницу к Игорю.

Она посмотрела на своего жениха внимательно. Он улыбнулся ей, дескать, всё нормально, гуляй. Какие могут быть разговоры о работе.

За столом сидели друзья и сослуживцы генерала с кем ему пришлось воевать. Все нахмурились, ведь Иван Королёв в их обществе был не последним человеком.

– Ты что, дочь, сказала? Инфаркт у Ивана, – встрепнулся Галактин. – Он же меня собой закрыл во время войны. Я надеюсь, все меры приняты?

– Да, папа. Я сделала всё необходимое, чему учили меня в институте. Ему полегчало. А потом бригада вынесла его на носилках, и мы отвезли его в больницу.

– Где он? В какой?

– У Игоря в третьей

– Надо позвонить, как он там?

– Не волнуйтесь, он у меня в больнице, – вмешался Игорь Зозуля, – я сам туда звонил. Сегодня дежурил очень опытный врач.

Жених был вежлив, внимателен, разливал по стопкам вино, провозглашал красивые тосты и не забывал подкладывать невесте в тарелку. Делал он всё это безукоризненно и просто, старался произвести приятное впечатление на всех, а особенно на отца Нины, но генерал, погружённый в свои мысли, ничего не замечал. Он смотрел в рюмку с водкой и по щекам его текли слёзы. А с экрана телевизора доносилась песня: «Это радость со слезами на глазах». И тут генерал Галактин сквозь всхлипывания протянул:

– Только мы вышли из лесу, вижу из-за горушки прямо на нас немецкие танки. Я насчитал, их было пять. Я было обратно на командный пункт, но где там, они уже нас заметили и стали отсекают, чтобы в плен взять. У меня под руками ну ни одного солдата, все в бою.

Конечно, живым бы мы не дались, да кому от этого польза? Тут Иван Королёв отделился от группы, притаился за пенёк, и вот взрыв. Танк встал. Я кричу радисту: «Воронин, Воронин вызывай танки, наши танки». Тридцатьчетвёрки появились внезапно, когда уже мы были окружены. Один танк врага загорелся, потом второй. Немцы, отстреливаясь, стали уползать. Я не заметил, как из подбитого танка выполз эсесовец в своём чёрном мундире и навёл на меня автомат. Меня на миг охватил ужас. Ну, думаю всё, не увижу я больше Тамару – жену свою, не оставлю после себя потомства. И так мне стало жаль себя, что вот так глупо попался на мушку фашисту. Он, заметив моё замешательство, не спешил нажать на спусковой крючок, надеялся, что я уже от него никуда не денусь. В его глазах, как мне показалось, было ликование и бесшабашная удаль. Вот, мол, все удрали, а я лежу под танком и выслеживаю свою добычу, арийская раса не боится смерти. И такая меня злоба охватила. Я полковник, командир дивизии и ослаб, струсил. Ну, думаю, гад – Галактин не трус. До Победы остался один шаг, уже взят Кенигсберг, вон он и Берлин – логово фашистов. Нет, умирать рано. Не увидишь ты моей смерти, фашист! Я выхватил из-за пояса гранату, вырвал чеку. Автоматная очередь звонко ударила по ушным перепонкам. На миг мне показалось, что я пробит пулями навывлет, и грудь моя словно решето, дышит, трепещется и затихает. Понимаете, как это страшно видеть светлое матовое ночное небо и умирать в самом расцвете сил. Да, такое мгновение ужасно. Главное, ты видишь себя уже мёртвым. Может быть, здесь сидящие, ощущали это на себе. Я не знал, каким ещё чудом я стоял, ведь мне уже надо было лежать и ничего не видеть. О, мать моя! Я наконец-то ощутил, услышал стон раненого около меня. Понял, что я жив, но что такое? Вместо меня на землю падает старшина Иван Королёв. А гранату я всё же бросил вместе с треском автомата и прямо под танк. Поднял глаза, гитлеровца нет, разнесло его. Но мне было уже не до него.

– Тамара, Тамара! – закричал я своей жене. Она была у меня медсестрой. – Тамара, Иван умирает. Впервые я назвал старшину по имени. Я понял, что это мой брат. Жена подбежала и от ужаса закрыла лицо руками.

– Галактина, ты что? Он мне жизнь спас. Королёв должен жить!

Она очнулась. Мы раздели старшину и стали вместе бинтовать. Потом она сама лично, не доверяя никому, доставила раненого в госпиталь, и пока его не прооперировали, не ушла. А у меня сейчас перед глазами встаёт взгляд фашиста. Я вижу его, понимаю. Он не знает жалости и сочувствия и название ему – война.

Генерал поднялся из-за стола, подошёл к окну. Ночь была такая же, как тогда под Кенигсбергом. Небо было матовое. Город в этот раз уже спал. «Нет, – думал он, – Королёв должен жить, это несправедливо. Я жив, а он умирает. Если есть бог, почему он так несправедлив?»

Константин Иванович, тяжелый, неповоротливый, ходил по квартире, глубоко вздыхал. Для него уже праздник потерял свой смысл и своё назначение. Он подходил к телефону, набирал номер приёмного покоя больницы. Из трубки доносился недовольный голос медсестры.

– Скажите, пожалуйста, как чувствует себя Королёв Иван Михайлович, поступивший сегодня утром? – кричал в трубку генерал.

И тут раздался резкий звонок. Константин Иванович открыл дверь и увидел бледную жену Королёва.

– Умер мой Иван, – прошептали её губы, и она упала.

– Нина, Нина! – закричал Галактин, – сделай что-нибудь. Ты слышала, слышала!?

Нина Константиновна дочь генерала, поднесла нашатырный спирт к носу Королёвой. Она зашевелилась и, обведя мутным взглядом всех, закричала:

– Нет больше Ивана, нет! Костя, понимаешь, нет! И он лежит в коридоре приёмного покоя. К нему из врачей даже никто не подходил. Мне об этом втихомолку сообщила медсестра. Она сказала, что в палате есть места, но почему старика не положили – вот вопрос?

Нина очнулась от наваждения, которое на неё произвёл Зозуля во время обеда, поднялась во весь свой рост, не мигая, долго смотрела в лицо своего жениха. Она прожигала его взглядом, и он не выдержал, залепетал несвязно:

– Откуда я мог знать, что он ваш друг, и вы в нём души не чаете. Неправда, врач к нему подходил, но видимо он чего-то не усёк. А так он опытный – пятнадцать лет работает в больнице.

Это была его крошечная ошибка. Он даже и сам не понял, что сказал. Но то, что он сказал, на людей произвело огромное впечатление. Сидящие в этой квартире были в основном ветераны войны

– Моральный ты урод, – прошипела девушка сквозь сдавленные губы, – не думала я, что ты такой.

Блеск её красивых глаз вдруг померк и стал тёмным, как грозовая туча. Зозуля испугался этого блеска, хотел что-то говорить, оправдываться, но слов не было. Какая-то сила сдавила его горло. Он хотел убежать из этой враждебной ему уже квартиры, а ноги будто приросли к полу.

Девушка, тряхнув длинными русыми волосами, ушла в свою комнату, где упала на диван и заплакала. Такого от своего жениха она не ожидала. Этот его поступок был как гром среди ясного неба.

– Таких, как ты, Игорёк, в наше время в морду били. Кому готовил эти места в палате? Чтобы продать подороже? Так что ли? – сказал генерал. – Ты получишь своё, мой медик. Я уверяю тебя.

Нина слышала, но с дивана не поднялась. Ей не хотелось даже думать, что там произошло. Почему-то показалось, как по коридору института шёл её любимый Игорь Зозуля, окружённый девушками и заливисто смеялся: мол, медицина – это мрак. Мне захотелось взять больничный лист, потёр солью под мышкой – температура под сорок. Прошло несколько минут, и её как не было, а освобождение от работы в кармане. Так-то милые. Девушки, когда окончите ВУЗ будьте внимательны, кругом симулянты. Она видела, как он высокий, красивый наклоняется к каждой и таинственно шепчет: «Мишура всё это, чушь. Медицина ни черта не понимает. Есть такие дельцы – обмануть медика им, что два пальца описать. Я так на их уловку не поддамся, сам с усами».

Он шёл, увлекая за собой всех, кто был в коридоре, сверкал глазами, как бы зазывал, дескать, пойдёмте, я вам открою такой секрет, что век меня будете благодарить. В институте ничего этого нет, у меня народная медицина. Я много знаю. Со мной не пропадёте. Не зря у многих девушек на устах моё имя – таинственный незнакомец. Может быть, это и правда, но для друзей я свой. А потом она видела себя обнажённой. Крепкие руки Зозули обнимали её гибкий стан, и она шептала ему безумно: люблю тебя, люблю. И тут ей показалось, что это огромный змей касается её чувственных губ. Она в страхе откидывает его, но уже поздно. Он успел обвить её холодным телом. Она задыхается, старается вырваться, но тщетно. Змей завладел уже её сознанием и душой. Потом Нина увидела взгляд фашиста из-под танка, о котором рассказывал ей отец. Он был холодный и бесстрастный. На какое-то мгновение она сравнила его со взглядом Игоря, и ей стало страшно. Нина очнулась вся в холодном поту. И первое её желание было не жить. К чему стремиться, если её любимый человек предал, не только её, но и саму сущность жизни.

– Для чего вся эта кутерьма – любовь, наслаждение, жизнь, – шептали её губы, – лучше покончить всё разом и дело с концом. Не надо в глаза смотреть людям, оправдываться перед ними, что она тут не причём – это работа Зозули.

В квартире была тишина. Нина встала и пошла к комоду, где у неё хранились медикаменты. Свет зажигать не стала, искала вслепую. Ей было больно, нестерпимо больно, грудь жгло, будто куском раскалённого железа касались сердца. Она вздрагивала, видя безысходность своего положения. Слез не было, они испарились все разом. А перед глазами стоял мрак

своего ужасного положения. Она нащупала нужную пачку таблеток, сыпала их в ладонь и, не задумываясь, поднесла с ожесточением руку ко рту.

– Нина, не делай глупости из-за какого-то мерзавца. Он не стоит этого. Не для того тебя мать родила, скончавшись при родах, – услышала она встревоженный голос отца, – ей нельзя было рожать, но она это сделала только ради меня.

Таблетки посыпались из руки. Она сразу сникла и, упав снова на диван, горько зарыдала. Но это были уже очистительные слёзы.

Черёмуха – волшебница

Прохладно. Лёгкий ветерок, шаловливо набегая, играет в листве распустившихся деревьев. Особенно в это время нарядной кажется черёмуха. Она, как девушка в подвенечном платье, благоухает на всю округу. Пришёл её черёд, и вот она старается не упустить свое, отведённое природой время.

С танцев шли двое. Обоим было скучно сидеть дома в такую ночь, когда сама душа ищет чего-то нового, ещё неизведанного. Разговор не клеился, видно, парень был не очень разговорчив или хотел казаться настоящим мужчиной, а девушка боялась показаться слишком навязчивой. И так, они шли молча, временами перебрасываясь ничего не значащими словами. Девушка была в лёгкой одежде, она коченела и молчала. И вся она была маленькой и воздушной, подуй ветер и её унесёт. Белокурые волосы по последней моде были длинные и хорошо ухоженные, говорили сами за себя.

Девушка прыгала, чтобы согреться, но парень как-то не обращал на это внимание. Вскоре до него дошло. Он спросил:

– Люба, тебе холодно?

В ответ застучали её зубы. Он снял свой пиджак и накинул его на её худенькие плечи. Почувствовав тепло, ей почему-то стало радостно. Утонув в одеянии парня, девушка казалась смешной, и Володя, так звали парня, не выдержал и рассмеялся громко и весело. От хохота его смолистые волосы упали ему на лоб, и чем-то родным и близким пахнуло на девушку. Во всём его теле чувствовалась недюжинная сила, перешедшая от предков, и весёлый избалованный нрав, который пользуется большим спросом у слабовольных женщин. На какой-то миг Люба засмотрелась на него, и это ему показалось как бы сигналом к действию. Он прижал её к себе и начал крепко целовать. Его тело дышало жаром, и не было у девушки сил сопротивляться, когда руки парня заскользили по её телу. После этой встречи Володя избегал её, увлечённый лёгкими победами. А она плакала, что не сумела сдержать себя, ругая себя и его на чём свет стоит. А время шло. Как-то проходя улицу с подружками, она заметила его с друзьями. Он показывал на неё пальцем и надменно улыбался, видимо, со смаком рассказывал, что происходило в тот злополучный день для Любы, когда она доверилась ему в эту дивную ночь, когда запах черёмухи возбуждал её и его чувства. А какое было небо? Луна волшебница, прямо сказать, ласкала их. Люба вздохнула, увидев его:

– Эх, черёмуха и яркая луна, что же вы наделали со мной в тот день?

Подружки посмотрели на неё, но ничего не поняли. А она им не стала объяснять, всхлипнув чуть-чуть про себя. И вот сейчас, проходя мимо, Люба даже не обратила на него внимания, хотя внутри всё клокотало и пело. Самолюбование Володи Петушкова было подорвано, ведь так он был уверен, что она подойдёт к нему и начнёт высказывать свою боль, накопившуюся за эти месяцы разлуки. Это ему всегда нравилось, когда девушка вся в слезах, забыв обиды, подходила к нему. Этим он жил, испытывая огромное наслаждение. И вдруг такой провал. Друзья смотрели на него и надменно улыбались. И тут он понял, что жизнь дала огромную трещину.

«От горшка два вершка, – подумал он, – а нос дерёт – Королева. Да что мне, больно-то убиваться? Она не лучше тех подруг, что у меня были. Такая же потаскуха с первого вечера, а я красив и в почёте у девушек, и устрою свою жизнь, как хочу».

– Люба, ты что, меня не узнала? – спросил он.

И сам он понял, как нелеп его вопрос. Она обдала его холодным взглядом и спокойно пошла дальше. Володя в первый раз в жизни стоял посрамлённый на виду у всех знакомых, и ему казалось, что в его уши врываются ядовитые слова друзей. Женский сердцеед, сладколюб,

получил! Такого он стерпеть не мог. Ему стало как-то неуютно на этой земле, хотя и выпито было изрядно.

Накрапывал мелкий дождь. В левом боку что-то скребло и скребло, а вот почему, он понять не мог.

«Напиться что ли до чёртиков, – подумал он, – да что толку, завтра опять похмелье, а мне стоять у станка с больной головой не очень-то хорошо. В общежитие идти нет охоты, дружки будут говорить: «Плюнь ты на неё, на вот выпей, и всё пройдёт».

А дождь всё усиливался, ручьи воды стекали с него, и волосы, когда-то вьющиеся намокли и обвисли, и стали как конский хвост, но он не замечал ничего, шёл и шёл. Проходя мимо него, люди под зонтами оглядывались, мол, такой дождь, а он никуда не спешит, хотя промок уже до нитки, в своём ли он уме? Впервые в жизни Петушков почувствовал такую удручённость и отчуждённость, хоть плачь, но он изо всех сил терпел.

– Чего я ищу в жизни? – сказал он сам себе вслух, – какой мой идеал? На что я трачу себя? И стало ему до боли обидно и жаль себя. Эх, девки, девки!

Уставший за день город уже засыпал. Всё реже и реже стучали трамваи на стыках рельс, прохожие спешили домой. Он не заметил, как вышел на берег реки Шексны, где когда-то провёл ночь с Любой. Река, как будто, чернея от злобы, бросала на берег огромные волны и, пенясь, издавала страшные стоны, что-то говорила ему, но что, понять он ничего не мог, просто душа вырывалась куда-то и всё тут.

Туча отошла и на небосклоне появилась яркая луна и звёзды, как в ту ночь, когда он впервые поцеловал эту девушку. Он забыл её, как и тех, с которыми тоже имел интимную связь. Всё шло своим чередом, не омрачая душу Петушкова, и вот эта плюгавая девчонка задела его за живое, да так, что он не мог придти в себя от насмешек друзей и её взгляда, которым она, прямо сказать, обожгла его своей ненавистью и непримиримостью. Конечно, это было не для него. Красивый, утончённый – краса мужчина, как он думал о себе, и вдруг такое.

В сумрачной ночи сверкали на реке бакена, проходили самоходные баржи, а в небе высоко, высоко летали космические аппараты. Под ногами у Петушкова шумела речная галька, будившая тишину ночи, как в ту ночь, только вот река была ласковая и милая, а вот сейчас, что с ней и случилось, будто какой-то бес поднял и вздыбил эти могучие волны. Сзади к нему подошла огромная дворняга, обнюхала, видать бездомная, и заглянула ему в глаза, ища у него поддержки и пищи.

– Что, собачка, у тебя нет дома? – спросил он.

Собака, как будто поняла его, гавкнула два раза, всматриваясь в темноту реки. Странная мысль, услышанная им в деревне, начала буравить его мозг. «Палка о двух концах, палка о двух концах». «Неужели это обо мне», – подумал он со страхом.

– Я люблю жизнь, – закричал он что есть мочи.

И громкое эхо пронеслось над Шексной и спящим городом. Вспугнутые вороны с карканьем слетели с деревьев. На его крик вышли парни, ищущие, где бы порезвиться.

– Так ты что, любишь жизнь? – зло сказал один из них, – мы тебе сейчас покажем какова она на самом деле, и ты будешь знать, как орать среди ночи о своей любви.

Шестеро здоровых парней стали надвигаться на него.

«Вываться из их кольца мне не удастся», – подумал Петушков.

Он, что есть силы, ударил первого, кто подошёл к нему и не сразу заметил, как что-то тёплое и липкое потекло по его спине в брюки. Земля зашаталась перед глазами, и он услышал в меркнувшем сознании: «Вовка, люби жизнь».

Очнулся он в городской больнице. Солнце било в лицо, и белоснежные занавески трепыхались раскованно и вольно. – «Откройте окно, ему нужен свежий воздух», – услышал он нежный знакомый голос. Чей это? Чей? – силился он понять. Всё виденное смешалось сейчас в один клубок сновидений.

– Где я? – сказал Петушков вслух.

– В больнице, – ответил тот же нежный и милый голос, – лежи, лежи не шевелись, красавец – мужчина.

Этот волнующий голос с какого-то потаённого дна начал всплывать на поверхность сознания.

«Чушь какая-то. Откуда он мог взяться здесь, да и как она могла узнать, что я в больнице», – была тревожная мысль. И тут он увидел черёмуху в белом наряде, где они когда-то провели с девушкой ночь. И на душе стало тепло и радостно. – Она, она – эта черёмуха, направила Любку сюда. Эх, черёмуха – волшебница, ведь на этом месте меня подрезали, что же ты сотворила с Вовкой Петушковым? И кто меня спас от гибели там, на берегу реки, когда я истекал кровью. Неужели черёмуха, которая подала сигнал Любке, а та провернула всё дело, и вот я здесь».

Ошибка молодости

Мороз крепчал. На автобусной остановке в ожидании автобуса, чтобы ехать в город, стояла бабушка лет шестидесяти и её внучка девяти лет. Автобус задерживался.

Надвигались сумерки. Бабушка и внучка замерзли, хотели уже идти в свою деревню, как к ним подкатила иномарка, открылась дверца, из салона дохнуло теплом, и ласковый женский, молодой голос нежно проворковал:

– Родненькие, подико замёрзли. Я бы взяла вас в город, но у меня всего одно место. Вот девочку я возьму, если бабушка позволит, я отвезу её прямо к маме с папой. А так у меня вся машина забита.

Стёкла салона были затемнены. Посмотреть, что там находится, было проблематично. Девочка дрожала от холода, хотя была в валенках и шубке. Русая, толстая коса спускалась на грудь ребёнка. Глаза голубые глубинные выдавали её генетическое изящество, а длинные чёрные ресницы, будто накрашенные тушью, ставили её на высокий пьедестал красоты. Она жалась к бабушке и не знала, что ей делать.

– Замёрзнешь, милая, садись, – уговаривала женщина девочку, выйдя из машины, – в салоне тепло, машина новая.

И бабушка сдалась. Она вздохнула протяжно:

– Лена, садись. Тётя хорошая довезёт тебя до города. Если не придёт автобус, нам топтать с тобой три километра до деревни. А я одна потихоньку дойду.

– Нет, бабушка, я без тебя не могу, – запричитала девочка.

– Завтра тебе ведь в школу, а у тебя ещё уроки не учены, ехать надо.

И Лена села. Машина рванула с места, бабушка не могла даже запомнить номера, он был чем-то замазан. И по сердцу прокатилась жгучая боль. Она вытащила из кармана мобильник, стала звонить внучке, мол, как там у тебя дела? Но абонент был недоступен. Встревожившись не на шутку, бабушка начала звонить сыну. Он откликнулся сразу.

– Как отправила? С кем? – кричал он.

– Не знаю, – отвечала женщина, – подъехала какая-то краля на иномарке, мне показалось брюнетка с короткой стрижкой и карими глазами, посочувствовала нам, что мы замерзаем, и я решила отправить с ней внучку.

– Что ж ты наделала, мама! Я ж говорил тебе, чтобы ты никому не доверяла мою дочь. Не то время. Хорошо ещё, если потребуют выкуп, а если её украли на органы?

– Витя, ты что меня пугаешь? А если у меня разорвётся сердце? Женщина то уж больно хорошая. Один голос, что стоит. Будем ждать.

– Нет! Ждать – значит потерять ребёнка. Сволочи могут быть с хорошим голосом и приличными манерами, а в душе у них, как обычно, чёрный омут...

Виктор Жигулин побежал к участковому, которого немного знал. Капитан полиции Игорь Воробьёв позвонил куда следует. На постах ГАИ им сообщили, что такая машина не проходила. Круг замкнулся. Телефон Лены Жигулиной молчал.

Наступила звёздная ночь. Девочка не появилась. Полиция города встала на дыбы. Но никаких зацепок об исчезновении девочки не поступало. Бабушка Лены рвала на себе волосы. Стоя на коленях возле иконы Божьей Матери, кричала:

– Старая дурра, как я могла, как могла? Своими руками отдала самое дорогое. Боже, где же справедливость? Лена, Леночка, Лена, ведь ты не хотела с ней ехать! Прости меня, если это возможно. Где ты Ленка отзовись!

Сердце старушки, готовое разорваться, плакало и кровоточило, но успокоения не было. Ткнувшись в подушки лицом, она потеряла сознание. Сколько пролежала так, она не знала. Пришедшая соседка, увидев в таком состоянии женщину, вызвала скорую помощь. Старушка

открыла глаза после интенсивной терапии в районной больнице. Как оказалось, её хватил обширный инфаркт. Жизнь бабули была на волоске, но вестей от сына не было.

В это время её сын вместе с женой Настей не находили себе места. Они не могли уснуть, перед глазами родителей была плачущая их дочь. Виктор думал: «Что за женщина, что за стерва покусилась на моего ребёнка. Найду, убью своими руками, – скрежетала в голове мысль, – может быть, какая моя пассия молодости решила свести со мной счёты, но зачем, я вроде никого не обижал. Боже, кто же эта вражина? Я боюсь потерять свою дочь. Перед кем я виноват, перед кем? Неужели это месть? Но чья? Но чья?»

Ответ повис в воздухе. Он стал вспоминать все свои связи с девушками и женщинами, но ничего крамольного вспомнить не мог. Если и было что, то по общему согласию, пока не встретил свою единственную девушку Настю, которая обладала хорошим характером, была обаятельна и красива, как говорится, ноги шли прямо от головы, а что были за глаза – озёра, в которых можно было просто утонуть. А брови, а ресницы, а волосы, которые она носила на распущ, его просто очаровали. Он, прямо сказать, купался в них, опустив своё лицо. Виктор в ней души не чаял. И дочку она ему родила – копия мать. Жигулин, обладая хорошим здоровьем и силой, носил на руках и жену и дочь. И был рад тому, что у него всё так хорошо сложилось. И вдруг в одно мгновение всё рухнуло и поплыло куда-то не туда, как ему думалось. Вот уже вторая неделя, а от дочки никаких известий, из полиции тоже. Глухо, как в танке. От переживаний у Жигулина появилась на висках седина. И вот ночью он услышал чей-то голос: «Виктор, ты у меня первый». Этот голос, как ему показалось, шёл с вышины и распространялся по всей квартире. Откуда, он вспомнить не мог. Жигулин ушёл на кухню, сварил себе кофе. Сидя на кухне, он взглядом уставился в стену, и ему показалось, что на стене написано: вспомни гад, пьяная вечеринка и я молоденькая девчонка Верка Черёмушкина, которую ты схватил на руки и унёс в соседнюю комнату, где начал целовать и обнимать, а потом воспользовался тем, что я была пьяна. Мне подмешали какой-то коктейль, от которого у меня голова пошла набекрень, и ты воспользовался этим. Сделав своё, ты ушёл домой, бросив меня под парней, которые ещё оставались в квартире. Простить тебе этого, я не могу. Я родила дочку, она больна – сердце. Это случилось от того, что ты натворил. Твоя дочка жива, здорова, красива. Вы цветёте и пахните, а я, а моя дочь!.. По всем данным, она и твоя. Витька, сволочь ты хорошая, и ещё раз – гад.

От этого видения он пришёл в шок. Жигулин с трудом помнил эту пьяную вечеринку, где гуляла только молодёжь. Вино текло рекой. Для девушек был какой-то дикий коктейль, от которого они, просто сказать, вешались на парней. «Надо было Верку увести домой, а до меня это не дошло, – забились в голове мысль, – пьяная морда. Разве так поступают? Неужели Лена у неё? Что же с ней она делает? Боже, сохрани и помилуй мою дочь».

Он вскочил, взял мобильник, стал звонить участковому. Тот спросонья долго не мог понять, кто ему звонит и по какому вопросу. А когда понял, встал и стал резко одеваться. Он позвонил в полицию, где ему сообщили адрес Веры Черёмушкиной, которая была уже Вера Ивановна, ведущий хирург города. Она спокойно делала пересадку органов, и была на виду у всех. Только вот беда, в личной жизни ей крупно не повезло. Она боялась и ненавидела всех мужчин. Отпечаток той роковой ночи у неё не проходил, и если кто с ней заговаривал о встрече, Вера просто говорила, мол, не могу, занята, или ещё что-нибудь. А время шло, дочка подрастала. Какая-то болезнь всё же прогрессировала, девочка на глазах увядала. Вера думала, что это всё от сердца, и стоит только его заменить, как её дочка поправится. Она проводила анализы, но всё напрасно. Злоба на Жигулина не проходила. Она разрасталась, готовая выплеснуться через край. И когда она увидела цветущую дочь Виктора Лену, у неё просто снесло крышу. И, конечно, всё это отражалось на дочери, но Вера не могла этого понять. И вот этот случай встречи потряс её до глубины души. И откуда, она и сама не знала, появился у неё нежный голос и хорошие манеры, когда она уговаривала девочку. И вот дело сделано, ребёнок Виктора

в её руках. Она хотела её уничтожить сразу, но передумала. Сделала анализ. ДНК точно подходило, чтобы Лена стала донором для её дочки Светланы, в которой она души не чаяла.

В подвале больницы у неё был тайный уголок, где проводила операции по удалению у людей органов, за которые платили валютой. Спрос был большой. Главврач знал об этом, но не хотел вмешиваться в её дела, так как она платила ему очень хорошую мзду, и он молчал, да и боялся, ведь у неё была своя охрана, и свои люди. Правда, их было всего трое, но они были вооружены и в любую минуту могли применить оружие. Временами Вера и сама боялась их, но отступить было некуда. Ей хотелось денег и славы. Она хотела доказать своему первому мужчине, что она тоже чего-то стоит, что зря он так с ней поступил в то время. А он и сам не знал, почему так получилось, потому что был сильно пьян.

Времени было два часа ночи. Светила яркая луна, она как будто подмигивала Виктору и Игорю. Участковый взял с собой оружие. Чувствовалось, что дело может быть горячее. Они подошли к дому, где жила Вера, и увидели свет в её квартире. Вскоре он погас, и открылась входная дверь дома. Из подъезда вышла девочка лет двенадцати и женщина. Это была Вера Черёмушкина. Они подошли к машине, сели в неё и поехали.

– Лопухнулись мы с тобой, Игорь Иванович. Наверное, Черёмушкина вместе с дочкой поехали в больницу, – вздохнул Жигулин, – надо бы их было преследовать на машине.

– Да уж, – только и мог сказать участковый.

Они заспешили в больницу, но больница была закрыта. Рядом стояла машина Веры Черёмушкиной. Кое-где горел свет. И тут из подвала они увидели тоненькую струйку света. Что происходило в подвале, они не знали, приложили ухо к стене, и тут до слуха участкового дошло по обрывкам слов, что там готовят очередную операцию. Потихонечку стали сверлить дырочку, из которой шёл свет. На их счастье цемент оказался непрочным и хорошо поддавался. Вскоре отверстие было такое, что удалось вставить маленькую камеру. Увидев свою раздетую дочь на операционном столе, Виктор чуть не решился дара речи. Рядом стоял второй стол, где лежала другая девочка.

– Ясно, – только и мог сказать участковый, – нам с тобой их не одолеть, они вооружены. Я вызываю помощь.

ОМОН подкатил быстро. Охранник, испугавшись за свою шкуру, тихо пустил их в помещение. Его прижали, и он сообщил код, как попасть в подвал.

Вера подключила аппараты и уже взяла в руки скальпель, чтобы начать операцию. Ей помогала медсестра. И тут ворвались ОМОНОВЦЫ. Рука со скальпелем зависла в воздухе. Вскоре инструмент выпал из руки. Очнувшись, она схватила большой клинок и с криком, мол, гадёныш раскрыл меня, я всё равно уничтожу твоё отродье. Выстрел, и рука хирурга вместе с ножом упала на тело девочки, но Лена не очнулась, так как была под наркозом.

После суда, в камере, Вере не долго пришлось жить. ЗЭЧКИ, узнав о её художествах на воле, накинули ей подушку на голову, когда она спала и отправили её в мир иной. Виктор Жигулин, сделав ДНК дочери Веры, узнав, что она его, взял девочку к себе. Он отвёз её в Израиль, где точно определили диагноз её болезни, и после интенсивной терапии девочка пошла на поправку. Когда её выписали, дочь, обнимая его, впервые произнесла заветное для неё слово папа.

– Мама, что же ты наделала? – вздохнула она, прижимаясь к отцу, узнав всю правду о её жизни, – разве так можно!..

Виктор Жигулин подумал, глядя на свою первую дочь: «Ошибка молодости». И ему почему-то стало грустно. В это время позвонила бабушка:

– Сынок, как там моя внучка?

– Нормально, – ответил он, – поправилась. У тебя теперь две внучки.

Тонкая душа

Дорога петляла между разрушенных домов. Кругом были сторевшие танки, машины, трупы. Павел Денисов вёл машину третьим. Его мутило от всего увиденного. Уставшие руки плохо держали руль полуторки. Первый день на войне, и столько переживаний. Впереди он видел какую-то тень, и больше ничего. Он высунул голову из окна и тут услышал, как под колёсами что-то завизжало. Он остановил машину и вылез. Маленькая лохматая собачонка, волоча отдавленные задние лапы, смотрела на него глазами полными боли. Он взял её на руки, и по щекам его потекли обильные слёзы.

– Ну, чего ты остановился? – услышал он знакомый голос командира.

Павел молчал, и только тело его судорожно вздрагивало. Прибыл он в воинскую часть недавно, когда войска уже подходили к Германии. Худенький, маленький, ну не больше пятнадцати лет от роду можно ему было дать, и был он какой-то замкнутый и нелюдимый. Все в деревне его звали маменькиным сыночком. И рос он болезненным и хилым. Ещё в детстве врачи у него прослушивали шумы в сердце. В школе он ни в какие драки не встречал. Даже некоторые боевые девочки обижали его, но он всё терпел, и никому ни слова. Слёз у него никто не видел. Валяясь по больницам, он привык к одиночеству. Но вот и кончились школьные годы. Вся молодёжь из деревни разъехалась кто куда. А он остался в деревне и поступил на шофёрские курсы, хотя мать и отец были против, так как знали о его здоровье, но Павел оказался непреклонен. Он окончил курсы и приехал в свою деревню. И тут началась война. В райвоенкомате он доказывал, что его место там, на огневом рубеже, но военком был неумолим.

– Куда я тебя возьму больного, – кричал он, возмущаясь, – от здоровых отбоя нет.

Затаив обиду, Денисов уходил домой. Он водил полуторку по дорогам колхозных полей и всячески помогал всем женщинам, у кого в доме не было мужиков. А похоронки, одна за одной, стали посещать деревню. У Павла сжималось сердце от боли. Уже несколько одноклассников погибли, и их матери, почернев от горя, смотрели на него, как ему казалось, неприязненно. Отчего у парня шёл мороз по коже. Он окреп на свежем воздухе и рвался в бой с врагом, торпедируя райвоенкомат бумагами и своим посещением, но ответ военкома был тот же. И Павел, отчаявшись, написал в Москву. Ответ не задержал себя ждать. Ему было приказано явиться в указанное время в нужный район, где комплектовались новые батальоны шоферов для перевозки грузов армии. Мать собрала его в дорогу, а когда подошёл поезд, повисла у него на шее:

– Куда же ты, сынок, с таким здоровьем и такой нежной душой, ведь там льётся кровь, убивают, не выдержишь.

– Выдержу, – ответил тогда Павел, – другие выдерживают, выдержу и я. Родина в опасности!

В армии Васька Иволгин – весельчак и отменный гармонист сказал при встрече:

– Сынок, ты откуда такой появился?

Денисов посмотрел тогда на него исподлобья, но ничего не ответил. А кличка «сынок» так и осталась, прилипла к нему намертво. И вот сейчас он стоял и прижимал собачонку к своей впалой груди и не знал, что с ней делать.

Васька Иволгин выскочил из кабины и говорит:

– Там люди гибнут, им боеприпасы нужны, а тут детский сад за рулём машины сидит, защитничек – в душу мать.

И он презрительно сплюнул слюну через зубы. Командир хотел пристрелить бедную собачонку, но Денисов закричал и спрятал её себе под телогрейку.

Машины тронулись на запад. Солнце светило ярко. От земли шёл парок. Дорога раскисла, разбитая танками и тяжелыми машинами. А впереди шёл ожесточённый бой. Земля дрожала

от тысяч разрывов. В небе появились наши самолёты и тяжело урча, устремились к месту сражения.

– Поднажмите, уже недалеко осталось до места, – высунувшись из кабины, кричал командир – лейтенант Нагибин.

Выжимать последнее чего уже в моторах машин не было очень трудно. Моторы и так надрывно ревели, но командир требовал невозможного. Отжимая педаль газа, Денисов одним глазом смотрел на собачонку, другим на дорогу. Казалось, человек разрывался, но это было не так. Он как-то сразу очнулся, и уже вёл машину более спокойно, чем раньше. Вот въехали в лощину. Дорога, петляя, повела на взгорок. Командир остановил машину около ручья, чтобы долить воды в радиатор. Он преградил путь колонне. Впереди виднелся первый город Германии, где уже прошли наши войска, а зарево пожарища ещё не потухло, и дым стлался в лощину едким удушливым облаком, потому что ветер гнал его сюда. Нагибин поперхнулся. Васька сплюнул слюну, но промолчал. Все двенадцать пар глаз устремились на Денисова, который бинтовал задние лапки у собаки.

– Дитё ещё, хотя ему уже двадцать лет, – сказал лейтенант и зычно крикнул: – по коням!

Первая машина командира медленно въехала в ручей и, разбрызгивая воду, пошла на взгорье. Мотор чихал, пыхтел и вдруг заглох. Опытных шоферов среди водителей не было. Иволгин, как обычно, сплюнул через зубы и полез в мотор. Лейтенант нервничал и смотрел на город злыми глазами, откуда шёл этот удушливый смрад. Васька хватался за ключи, но понять ничего не мог, ведь он совсем недавно научился водить машину. Прошло пять минут, десять, результатов не было. Шофера со всех машин собрались около Иволгина. Они давали советы, но мотор молчал. Павел Денисов сидел на сидении, держась за руль. Мотор работал на малых оборотах. Он смотрел на свою собаку и ласково гладил её по голове. Собака в знак благодарности лизала ему руки. Но вот его взгляд остановился на командирской машине. Он вылез и пошёл через ручей.

– Что случилось? – спросил он у одного из солдат.

– А хрен её знает, – ответил солдат, – чихала, чихала и встала, а что у неё внутри, одному богу известно.

Иволгин оглянулся своей чумазой физиономией, хотел что-то нелестное сказать в адрес Денисова, но, увидев строгий взгляд командира, прикусил язык. Павел встал на крыло и спросил:

– Искра есть?

– Да вроде есть, – ответил Иволгин и покраснел.

– Бери рукоятку, крути, – вздохнул Денисов.

Он ставил провода на разрыв и внимательно смотрел за искрой. Потом подкачал топливо, но бензин не поступал. Денисов сосредоточенно думал, потом взял ключи, снял бензонасос и разобрал его. Он улыбнулся своей детской улыбкой и поднял над головой порванные диафрагмы, затем развернул их так, чтобы дыры не совпадали, поставил на место. Мотор заработал чётко и плавно.

Машины, вытянувшись в колонну, въехали в город. Вокруг было пусто, только дома смотрели пустыми глазницами окон и развалины говорили, что недавно здесь всё гудело, рвалось и дышало в ускоренном темпе.

Колонна въехала на площадь и встала. Из кабин вышли измученные шофера.

– Будем обедать, – сказал лейтенант, – глуши моторы.

Иволгин вышел с гармошкой, и звонкая медь понеслась над безлюдным городом. Снегу уже не было. Дорога, выложенная камнем, густо заросла грязью, свалившейся с гусениц и колёс. Обыкновенный немецкий городок с готическим стилем постройки, каких Павел много видел на картинках, предстал перед глазами. Ему вспомнились любимые стихи Гёте. Вот несгибае-

мый Тельман, о котором в своё время много писали, смотрит прямо в душу: защитничек пришёл или завоеватель.

«Защитником», – шевелятся губы, и Павел засыпает за баранкой. И тут до его слуха долетел женский крик. Он очнулся и посмотрел на своих ребят. Вскоре подошла солдатская кухня. Из котлов шёл ароматный запах жирной каши. Группа солдат подступила с котелками к кухне. И улыбающийся повар крикнул:

– Шевелись, шевелись хорошую пищу принять.

Его белый колпак взметнулся над котлом, и мощные волосатые руки легли на черенок черпака. Повара в роте знали все, и нет, нет, да и подтрунивали над ним, мол, такая громкая фамилия Сокол, и конечно, у котла, и звонкое ха-ха-ха разносилось вокруг. Повар Николай так его звали, не обижался, исподлобья смотрел на обидчика и говорил одну единственную фразу:

– Вас же оболтусов кормить надо, чтобы дистрофия не привязалась – умники. Всем вам моя пища даёт силу, а вы!

Он размахивал черпаком над головой, а потом брал котелок и накладывал каши в знак примирения и отпущения грехов. В этот раз повар был особенно весел, как никогда, и его украинский говорок заглушал все звуки. Крик повторился, ясно было, что он шёл из подвала соседнего с площадью дома. Павел дёрнулся, услышав страдания человека. И в его руках сверкнул воронёной сталью автомат. Ещё и ещё раз повторился этот душераздирающий крик и смолк. Денисов заскочил в подвал и побежал, задевая ногами за ящики, кирпичи и другой сор. В про свете мелькнула подвешенная женщина и убегающий гражданский в чёрной куртке. Он обернулся и выстрелил из пистолета. Пуля свистнула около уха и ударила в бетонную стену. Павел, прижимаясь к стене, побежал к женщине. Он, подскочив, полоснул по верёвке ножом, но услышал скрежет металла о металл. «Проволока», – мелькнула у него мысль. Слышно было, как человек мечется по подвалу, опрокидывая всё на своём пути, что ему было под силу. Он искал выхода, но его не мог найти. Выход был один, где находился Советский солдат Павел Денисов. И уже, не опасаясь, что его там наверху услышат наши солдаты, стрелял из своего «Вальтера», но видно дрожала его рука и он мазал. Денисов подбежал к женщине, раскрутил на её шее проволоку.

«Успел», – подумал Павел, и тёплая волна подошла к самому сердцу.

Выстрел. И пуля прошла выше над головой. Женщина дышала. Потом она повернула измученное болью лицо в сторону стрелявшего, и из её горла вырвалось слово «Фашист» и ещё несколько слов, которых Денисов не понял, так как не знал немецкого языка. С улицы доносились музыка и песни. Павел не спешил, обдумывая своё положение.

«Выйти позвать на помощь ребят, он убьёт женщину, да и как её оставить тут одну», – подумал он и стал пробираться поближе к немцу. Война есть война, один на один. Немец стрелял по шороху и звукам, не останавливаясь, послышался щелчок. И Павел понял, кончились патроны. Он сделал перебежку. В подвале было темно. Нагромождение ящиков, банок, ведер и других предметов говорило о том, что здесь уже кто-то побывал. Немец, перезарядив пистолет, снова открыл стрельбу. Он любым путём хотел выбраться из подвала. Его пули рикошетили по бетонным стенам, но уже для Денисова были не опасны. Одна единственная стена отделяла их друг от друга. Павел слышал прерывистое дыхание противника и держал автомат наготове. Гранаты брякнули в подсумке. И тут Денисова осенило. Он вынул одну гранату, выдернул чеку и бросил гранату за стенку. Раздался взрыв, посыпалась пыль, осколки ударили по стенам. Денисов подбежал к немцу, он уже не дышал. Женщина что-то говорила. Павел поддержал её лёгкое тело, и она встала. И так, пошатываясь, они вышли на свет. Он взглянул на неё и удивился. Перед ним была молоденькая лет восемнадцати девушка. Её белокурые волосы спускались ниже пояса. Дикая ярость только что бушевавшая в нём прошла, и на смену ей пришло приятное ощущение, которое пронизало всё его тело насквозь, и он задохнулся

от переполнявшего его чувства. Впервые так с ним близко была молоденькая девушка, нуждавшаяся в его помощи. И ему было очень хорошо.

Услыхав взрыв, командир взвода лейтенант Нагибин, а за ним Иволгин и другие бросились в подвал, прихватив автоматы. Васька не удержался и сказал:

– Товарищ лейтенант, посмотрите, наш сынок какую кралю отхватил.

И уставился ей в глаза взглядом сердцееда. Денисов молчал.

– Денисов, что случилось? – крикнул лейтенант. – Почему взрыв в подвале?

– Немец повесил эту девушку, а я его гранатой, – ответил Павел.

Все раскрыли рты, такой тихоня с тонкой душой и вдруг гранатой.

Подошёл капитан – комендант этого города, только что назначенный на эту должность. И заговорил с девушкой на немецком языке.

– Я Эльза Гардер, здесь живу. У меня там мама убита, – ответила она коменданту, и горько заплакала. Из подвала вытащили труп фашиста.

– Кто это? – спросил комендант у Эльзы.

– Начальник местного гестапо. Он перед самой войной арестовал моего папу, и теперь от него ни слуху, ни духу. Узнав, что у папы есть нужные ему документы, пришёл за ними к маме, но она ему их не дала, и он задушил её своими руками, а я пошла с ним в подвал, чтобы протянуть как-то время до прихода русских. Он понял, что я его обманула, и повесил меня на проволоку

– Кто у тебя был отец?

– Антифашист.

Вскоре все поднялись и пошли за девушкой. Эльза открыла дверь своей квартиры и вошла. На полу лежала женщина ещё довольно молодая. Она была прикрыта белой простыней. Комендант приоткрыл простыню, затем снова накиннул. Девушка, еле сдерживая катившиеся из глаз слёзы, разрешила матрас и извлекла оттуда документы.

– Вот мой папа, – сказала она тихо.

С фотографии смотрел русоволосый мужчина в чёрном костюме. Взгляд его пронизывал душу, будто спрашивал: ну как дела?

– Ясно, – сказал комендант города, – видимо он хотел воспользоваться этими документами для спасения своей шкуры. Эльза, есть хочешь?

– Да, – смущаясь, ответила девушка.

Денисов принёс котелок каши и подал ей. Она с благодарностью взглянула на него, но пока есть не стала. На площади заводили моторы. Колонна машин, вытянувшись, двинулась дальше вглубь Германии. Денисов выглянул из кабины и посмотрел на окно. На него смотрела белокурая девушка, и её широко-открытые глаза говорили сами за себя. Он прошептал:

– Давить надо, давить фашистскую нечисть, чтобы не было зла на земле.

Он не испытывал чувства жалости к убитому им фашисту, наоборот, у него будто выросли крылья. Ему хотелось петь и плясать.

Шут гороховый

Этой осенью я гостил у друга в деревне. Сначала всё шло хорошо, ходили на охоту, отдыхали, но вскоре начались изнуряющие душу затяжные дожди. Дороги раскисли, и мне волей неволей пришлось ехать в город. На автобусной остановке, куда мы подошли с другом, народу было много, и все суетились, поглядывая в ту сторону, откуда должен был подойти автобус. Время уходило, а он на дороге не появлялся. Когда уже все устали ждать, погромыхая и постукивая, он вырулил из-за поворота и встал. Из открытой дверцы кабины появилось усталое молодое лицо. Люди бросились к автобусу и, напирая друг на друга, заполнили его весь. С места остановки он отошёл медленно и, переваливаясь на выбоинах каменухи, выложенные из камня, скрипел, стонал и визжал. Молодой белокурый шофер вёл его осторожно, часто притормаживая и заглядывая под автобус. А на улице хлестал холодный осенний дождь. Неутомимые дворники на стёклах не успевали сбрасывать струившиеся потоки воды. В салоне автобуса было тесно, неудобно. И тем не менее все ехали, ну и ладно и добро. Мне же досталось место на запасной крышке, которая лежала возле двери, и где я мог уместиться одной ногой. Головой я часто стучался о потолок салона, так как автобус был не Икарус, не ЗИЛ, а простой, маленький, какие у нас колесят в районах по плохим дорогам.

Конечно, я оказался на крышке в неудобной позе, ну, а что поделаешь? Я оглядывался на людей и злился на самого себя, за то, что был таким неловким и вот теперь как цапля стою на одной ноге, когда мог бы поработать локтями, и мог бы получить хорошее место. Конечно, мог, но не поработал. Что же меня удержало? Сзади и спереди стояли женщины и старики. И тут до меня дошло, дескать, вот почему я не мог употребить свои локти. И где-то там внутри под самым сердцем захолонуло, и стало стыдно за свой временный порыв и злость.

– А она меня селовала, – услышал я напевный мужской голос. – Ох, как! С оттяской, с присвисом.

Мне показалось, что мужчине было где-то под шестьдесят. Но выглядел он довольно бодро для своих лет. Одет он был в чёрный кожаный плащ и чёрную кожаную кепку. Он сидел с молодой, красивой женщиной на одном сидении, на носу и щеках которой сверкали крупные веснушки. Глаза были карие, крупные. Яркие, сочные губы резко выделялись на её загорелом лице.

– Погреться бы около твоего тела, – ворковал мужчина, – да молода больно. Замус бы тебе досинька.

– А у меня дочурке полтора годика. Сейчас сидит с папулей и бабушкой, – улыбнулась женщина.

– Ты, дядька Иван, снова к новой? – спросил молодой мужчина. – У тётки Вали дом, корова, что ещё надо?

– Да надо бы помолозе, вот и еду в город. Там она меня здёт, не дождётся.

В салоне все засмеялись. А он только поглядывал своими хитренькими глазками из-под козырька своей кожаной кепки и улыбался. Я посмотрел на него, и мне показалось, что это всё у него напускное, а душа остаётся где-то далеко на недосыгаемом для людей месте. Мужик заметил мой взгляд, посерьёзnel, и улыбка сползла с его лица, как тень по земле когда отходит туча от солнца. Он насутился, отвернулся к окну, где хлестал дождь и его капли через щели между стеклом и резиной попадали ему на плащ.

В автобусе воцарилась тишина, потом опять кое-где заговорили, забыв про старика, который молча сидел и о чём-то сосредоточенно думал. Мне показалось, что в его душе происходит какое-то борение, готовое выплеснуться наружу в любое время. Он, повернувшись ко мне, сказал твёрдым голосом без всякой наигранности и весёлости:

– Присаживайтесь с краишку на мой чемоданчик, он у меня прочный, всё легче будет.

– Дядька, Иван, травани что-нибудь, – сказал молодой мужчина, обращаясь к старику, – не весело.

Но мой новый знакомый, поджав губы, упорно молчал. Что с ним произошло в эту минуту, никто не знал. Не зря говорится в народе, чужая душа – потёмки. Автобус неуверенно, будто раненый, двигался к городу. Стуки внизу автобуса раздавались всё сильнее и сильнее.

Старик ворчал:

– Кардан, наверное, гремит.

И тут, через некоторое время автобус вздрогнул, затрясся и, проехав несколько метров, остановился, прижавшись к обочине дороги. Высокий, белокурый шофер с засученными рукавами рубашки, выскочил из кабины и под дождём побежал назад, поднял оторвавшийся кардан, поднёс его к автобусу. Опустив голову, сел на сидение, потом повернулся к нам и сказал:

– Дальше автобус не пойдёт.

– Негодяй! Знал, что автобус неисправен и поехал, – выругался старик.

– Откуда он знал? – поинтересовался я.

– Дураку должно быть ясно. Кто так ездит с оглядкой? Я знаю, как он водит машину, если она исправна.

И тут я понял, старик не так уж и прост, только вот почему он выдаёт себя за другого? На самом деле он не шут гороховый, как его здесь все принимают, а вполне нормальный человек, может быть, даже серьезнее всех здесь сидящих. Он вытащил из кармана чекушку водки из бокового кармана и раздвижную стопку, потом пару солёных огурцов. Женщина, сидящая рядышком с нами, посмотрела на нас немило, но ничего не сказала.

Старик заметил её взгляд и прошептал тихо, но так, чтобы я услышал:

– Досинька, не гневайся. Мы тихо, мирно.

Он налил мне стопку, потом себе. Блеснул глазами как-то лукаво и по-своему и с полной и открытой душой: смотрите, мол, я какой. И выпил.

– У, какая тёплая, – выдохнул он, – а теперь, досинька, мозно и масынку ловить.

Он подмигнул мне, и мы, разжав закрытые двери, вышли на дорогу. Дождь немного поутих, но по небу ползли серые, тяжёлые тучи, сея, будто из решета, мелкую, занудливую сырость. Старик натянул на глаза кепку и встал на обочину дороги. Машины проходили редко, но и те не останавливались. Мы уже отчаялись, хотели идти снова в автобус, подумав, что ничего не выйдет из нашей затеи, как вдруг очередная машина с фургоном резко затормозила около, обдав нас брызгами. Открылась дверца кабины и пожилой, одутловатый мужчина в чёрном пиджачке и полосатой рубашке, вежливо пригласил нас к себе.

В кабине, прямо на сидении, лежало несколько капроновых чулок, наполненных луком. Шофер быстро стал их убирать и, как бы извиняясь, сказал:

– Из деревни в город везу. Старуха мать снабжает. В капроне, едрит твою корень, очень уж ловко.

Мы вернулись в автобус, забрали вещи и поехали.

Шофер, вглядываясь вдаль, спросил:

– Что случилось?

– Кардан полетел, – ответил я за двоих, – нужно бы в автоколонну сходить, узнать, что это за парень так безалаберно относится к своим обязанностям, ведь везёт не дрова, а людей.

Шофера за рулём передёрнуло, он с грустью и, как мне показалось с обидой, сказал:

– Стыдно, конечно. С нашего предприятия автобус. Куда смотрел шофер, механик? Я понимаю коробка передач, задний мост – всё внутри, а тут кардан. Где же у этих товарищей совесть, ведь людей везут. Ну, никакой ответственности, просто диву даёшься. Ну, как так можно работать? Я так это дело не оставляю. На партийном собрании выступлю о низкой производственной дисциплине. Они, голубчики, получают сполна за своё ротозейство. Вы уж не волнуйтесь, разберёмся.

Шофер нахмурился, сдвинул к переносице густые, чёрные брови. Он весь ушёл в себя. Двигатель выл, шуршали о дорогу шины, мелькали перелески, отдельные деревья, поля. Моего попутчика не было слышно. Он сидел и дремал, уткнувшись в моё плечо.

– Вы не охотник? – спросил я шофера.

– Не охотник и не рыбак пьяница я, – ответил шофер.

– Не верю, не похоже.

– Пьяный за рулём – преступник, – сразу перешёл в карьер шофер. – Таких к машине подпускать нельзя.

– А ведь пьют.

– Конечно, пьют. Разве мало таких. Я однажды сказал жене, что проштрафился и лишили меня прав за то, что я немного выпил. Так что было – целая лекция. – «Батько, – говорит жена, – у тебя два сына шофера. Какой пример ты даёшь для детей?» – А я ей говорю – неужели за тридцать пять лет работы шофером ни разу не проштрафился. Такого не бывает. Сын Колька на это ответил: «Мама, – говорит он, – неужели ты не видишь, что он тебя разыгрывает».

Старик у меня на плече закричал, но смолчал. «Не спит», – подумал я про своего попутчика и посмотрел ему в лицо. Он смачно всхрапнул, потянулся.

– Да, вот такая причуда у наших водителей автобусов появилась, деньги у людей берут, а билеты не отрывают. Или водитель оторвёт целую ленту, передадут, а кто-нибудь повесит её на трубу, за которую обычно в салоне держаться. Шоферу, знамо дело, хорошо. Он эти билеты использует в другой раз. Народ-то у нас, какой!.. Сами развращают, потом начинают плакать, мол, почему количество автобусов «режут» для того или иного маршрута. А как не резать, если план постоянно горит. Автоколонне не выгодно гонять автобус за «так». Я своего Кольку предупреждаю, дескать, не делай этого, до хорошего не доведёт. У автовокзала всё вроде бы нормально, а как отъедут – своя рука владыка, будто автобус личный, а не государственный. Сколько мы теряем в денежном охвате, но если учесть нравственный урон. Он будет просто колоссальным. С чем его сравнить, я даже и не знаю. Не знаю, как ваша фамилия, молодой человек, но по всему можно понять – вы дока рабочий. Ну, как вот это понять?

– Трудно судить об этом, но одно ясно, сейчас каждый не хочет отстать друг от друга. Если у соседа машина, разобьюсь, посажу семью на колун, а её милую куплю, – ответил я.

– У одного дармовые деньги, а у другого потом заработанные.

Я промолчал. Машина въехала на асфальт и, разбрызгивая воду, через несколько минут нырнула в город. Шофер остановился:

– Вот остановка городского автобуса, мне же нужно налево.

Я вытащил из кармана мятый трёшник и подал шоферу.

– Вы что? – возмутился он. – Не беру.

Я поблагодарил шофера и вышел из кабины. На обочине меня поджидал старик. Он хитренько улыбался и тёр нос.

– То, что случилось с автобусом, это дело я так не оставлю, – крикнул водитель, закрыл дверцу, газанул облаком дыма и рванул прочь.

– Каков молодец, а! – воскликнул я радостно. – И деньги не берёт. Не разменялся на грошевые подачки, до конца остался человеком, да ещё и лекцию прочитал.

– Мишка то Сычов? – улыбнулся старик. – И ты бы заметельшил, припугни тебя так.

– А кто сказал, что пойдёшь на водителя автобуса жаловаться.

– Причём тут автобус, – не понимал я.

– Да этот же водитель автобуса, его сынок Колька, младшенький. А билеты он нам дал, нет.

Тут я понял хорошо продуманную тактику шофера Сычова, и то же время недоумённо посмотрел на старика.

– Ты удивлён, откуда, мол, я знаю шофера Сычова? И я бы на твоём месте сделал тоже самое. И на фронте он не был, просто разыграл с нами фарс. Мишка это умеет. Мать у него во время войны была врачом. Услышала шум в сердце, потом нашла ещё какой-то брачок. Всего-то уж я и не помню. Давно было. Так он и не попал на фронт.

– Ну, змей! А на словах – какой деловой. Не подумаешь. Не один пуд соли нужно съесть, чтобы понять человека.

– Да, – нахмурился старик, – бывает. Человек – не безгрешен. А тебя как зовут?

Я ответил.

– Меня Иван Петрович, по фамилии Журавлёв.

– Иван Петрович, может быть, вы тоже дважды ранены, горели в танке, – съязвил я.

Чего меня за язык так дёрнуло, не знаю, только старик вдруг встрепенулся и долго смотрел на меня. Уж не шучу ли я над ним.

– Молодой человек, а оказывается вы ещё и прорицатель, – улыбнулся он, – всё верно сказали, но я ещё добавлю, что раненым попал в плен, бежал из концлагеря, снова служил в армии, дослужился до подполковника и вышел на пенсию. Вы довольны?

Я хотел было извиниться за свою дерзость, но понял, что извиняться сейчас ни к чему, рассмеялся.

– Эх, Славка, Славка – шут ты гороховый, – стукнул мне по плечу Иван Петрович. – Повстречал ты на моём пути. И рассердиться на тебя невозможно. Кто хоть ты такой? Откуда?

Я тоже назвался, сказал, где работаю, живу. Он долго смотрел мне в глаза, а потом предложил:

– А пойдём к моей марухе, посидим. Время ещё терпит, звёзды на небе не вышли. Так-то её зовут Зина, а полное имя Зинаида Васильевна.

Не знаю почему, но я согласился. Мне до конца хотелось понять этого человека. Почему он напускает на себя маску простака, ведь на самом деле он не так и прост.

Дождь кончился, и теперь улицы в городе были чистые и весёлые. Может быть, это от зажжённого света, так как стемнело, и весь город как-то по-особому благоухал увяданием прелого листа, травы. Особенно чувствовался запах в аллее среди деревьев, где росли высокие раскидистые липы, которые, отбросив листву, стояли тихие и присмирившие, готовые к любым невздам и потрясениям стихии. Здесь, как нигде, было много листвы, которая слегка парила. Увидев увядание природы, Журавлёв как-то сразу погрузился, осунулся. И тут передо мной стал совсем другой человек: сгорбленный, унылый, повидавший на своём веку много того, о чём мы и не догадываемся.

– В магазин надо пойти, – сказал Иван Петрович, – без вина я к своим марухам не хожу. стыдно как-то. Когда выпью, храбрее становлюсь.

Я хотел было спросить, мол, почему так, но посчитал, что слова излишни, если захочет, старик и сам расскажет. Он вытащил кошелек, подсчитал деньги.

– Слава, двух рублей не хватает на три пузыря, подкинь, если есть, – обратился он ко мне.

Я вытащил из кармана трёшницу, от которой отказался шофер, и подал.

– Голубуска, три бутылоськи Русской, – сказал Иван Петрович продавщице.

На улице старик стал опять самим собой. Он смотрел себе под ноги и молчал. Я тоже не знал о чём говорить, да и не хотелось раньше времени вспоминать какие-то случаи, факты, детали. Просто идти и ни о чём не думать. Такая ходьба успокаивала, притупляла остроту восприятия. На третьем этаже пятиэтажного здания Иван Петрович позвонил в квартиру.

– Сейчас, сейчас, – послышался за дверью женский голос, а потом, – Ваня, это ты? Давно жду.

На пороге появилась женщина лет сорока трёх, полногрудая, но не полная. Сразу было видно – следит за собой. Густые, чёрные волосы уложены на голове кольцом, губы слегка подкрашены.

– Снимайте свою одежду. Я отлучусь на одну минутку, – сказала она и ушла.

Через несколько минут она появилась в зелёном, шёлковом платье, улыбающаяся и какая-то вмиг подобревшая. Иван Петрович, взглянув в её лицо, ожил, прошёл на кухню, вытащил из сумки бутылки и поставил на стол. Хозяйка приготовила закуски. Журавлёв на правах хозяина налил в стопки водку.

– Ну, так стос, Зинуска, за нас с тобой свадебку. Вот и свидетель, – сказал он.

– Иван, брось паясничать, – не поддержала женщина игривого тона, – лучше выпьем молча.

Больше он её не задира, успокоившись как-то сразу, будто в нём надломилось что-то важное в его жизни. А Зинаида на него ноль внимания: ела, пила и смотрела мне страстно и с вызовом. Мне было неудобно от этого открытого взгляда, но я упорно молчал. Зинаида завела радиолу и пригласила меня на танец. Иностранная певица чего-то ждала, надеялась, любила. Я чувствовал, как под тонким шёлковым платьем бьётся жаркое сердце тоскующей женщины, и вся она возбуждённая, горячая льнула ко мне. Крупные, карие глаза искали во мне ответа на свой порыв и откровение. И была в ней притягательно – ласкающая сила истрадавшейся души. Мне показалось, что я влип, растворился в её теле. Танец кончился. Она с трудом оторвалась от меня, села на диван.

Иван Петрович поднялся из-за стола, подошёл к раковине, ополоснул руки, вытер полотенцем. На лице появилась маска.

– Ну, ладно, Зинуска, голубуска, надо идти. Спасибо за хлеб, соль, – сказал Журавлёв, – а ты Слава, мозешь оставаться, смотри, как женщина растревожена. Не оставлять же её в таком состоянии.

Зинаида ничего не ответила, просто зарделась ещё больше, сверкнув в сторону старика ненавидящим взглядом. Я тоже поднялся и пошёл одеваться вместе с Журавлёвым. Он ещё раз сказал, мол, оставайся, но в его голосе не было уверенности.

На улице, когда мы вышли из квартиры, я отметил про себя: вот Большая Медведица, а это Малая, вон сгорает звезда. В окне нашей знакомой потух свет, видно очень расстроилась.

С севера дул сильный ветер. Похолодало. Иван Петрович застегнул свой плащ на все пуговицы. Шёл с боку меня, понутив голову. Вскоре я услышал всхлип, повернулся. Журавлёв утирал платком нос. Мне стало как-то неудобно видеть его слёзы, я отвернулся и стал смотреть в сторону станции, где гудели поезда.

– Что, Слава, смотришь так недоумённо? – тихо вздохнул Журавлёв, – правда, я и эта женщина – несовместимость. Но Зинаида и моя покойная Оксана, как две капли воды, что походка, что взгляд, что фигура. Но как только она заговорит, как обухом по голове, чувствую бездну, пролегающую перед ними. Сразу становится не по себе. Начинаю сравнивать голос Оксаны и Зинаиды. Между прочим, жена меня встречала радостно. Заметив меня, где-либо на улице, летела ко мне, как на крыльях. Не было случая, чтобы она прозевала этот миг. Мне порой казалось, что она только и следит за тем, когда я приеду. Для неё это был великий праздник. А когда Оксана почувствовала, что у нас будет ребёнок, спросила: «Ваня, ты рад? Я боюсь, что тебя не будет дома». – Эх, Слава, молодость, глупость.

– Почему? – вмешался я в его рассказ.

– Да хотя бы потому, что верим разным слухам, сплетням и ревнуем без всякой меры.

– Так-то оно так, если женщина ещё красива, то и мужчины на неё оборачиваются и хотят завладеть ею.

– Ты думаешь, мне приятно притворяться, да мне до слёз больно, но ничего не могу поделать с собой, – утирая нос, промолвил Журавлёв. – Началось это со смертью жены Оксаны. И виноват, кто ты думаешь? Да Мишка Сычов. Он – мерзавец перешёл мне дорогу. Жена у меня была очень красивая и ласковая, а я офицер – не своя воля, постоянно в отъездах, куда послали, поехал. Всё командировки да командировки. В гарнизоне пошли сплетни, что моя

Оксана, якобы, немецкая подстилушка, а она была у меня девственница, и было ей в то время всего девятнадцать лет, и тут такое про неё. Я думал, уничтожу злодея, кто распускает эти слухи, да понимаешь, всё было некогда. А время шло. Мишка пустил слухи, что он, якобы, спит с моей Оксаной, когда я в отлучке. Да и забеременела она не от меня, а от него, и придётся ему жениться на ней. Я от этих сплетен и слухов, прямо скажу, обалдел. – «Ваня, когда ты успокоишься? Я устала от твоих отлучек», – сказала она мне. И что меня дёрнуло за язык, не знаю, дескать, Мишка Сычов тебя обхаживает, что тебе ещё надо? Она вся задрожала, побелела. Я услышал сквозь сдавленное дыхание – дурак, потом она закричала, не сдерживая себя: «Да, да, ходит ко мне, цветы носит, замуж зовёт, говорит, я всё прошу, Ванькиного ребёнка усыновлю». Я не знал тогда, как её успокоить, а она будто в неё вселился бес, всё кричала и кричала. И странное дело, она никак не хотела успокаиваться. Мне стало казаться, что мою Оксану просто подменили. В ней было столько злости, ненависти ко мне, что я удивился. Она с презрением откинула мою руку с плеча, выскочила из дому и убежала. Я хотел её остановить, но где там, она и слушать не хотела, видимо, оскорбление моё для неё было смертельным. Ночью она не пришла домой. Я грешным делом подумал, что она сбежала к родителям на Украину. Через день мне сообщили из районной больницы, что она неквалифицированно прервала беременность на шестом месяце, сейчас находится в тяжёлом состоянии. Я бросился в больницу на попутке, но что я мог сделать? Перед смертью Оксана сказала мне: «Прости, Ваня, если можешь. Не поминай меня лихом, женись». Правду говорю, я заревел, опустив голову на её грудь. Она гладила мою голову и что-то шептала. Я сказал ей, мол, придушу Мишку. Это он – сволочная душа, изгадил нам жизнь. Ему нет прощения. Тебя загубил, нашего сына и меня. – «Успокойся, Ваня, Бог ему судья», – сказала она. Я не заметил, как она отошла. Очнулся, жена была уже мертва. Во мне что оборвалось главное, да ещё этот Мишка Сычов пустил слухи, что Оксана умерла из-за него, хотела Ванькиного ребёнка вытравить, чтобы выйти за него Мишку.

– Иван Петрович, а почему он вас не узнал этот Мишка то? – спросил я.

– Так он меня и не знает. Мне Оксана показывала его со стороны раза три, я его и запомнил, а так мы с ним не знакомы. А встретились мы с Оксаной на неметчине. Она работала у одного бюргера в поле. Я же как раз бежал из концлагеря. Вижу девушку, по обличию понял – русская. Ну и подошёл, а что было делать? Есть охота. Заговорил. Она принесла мне молока и краюху хлеба, а потом сказала: «Давай я тебя спрячу до прихода наших. Хозяева теперь тихие, боятся возмездия. Я уверена, хоть и увидят, промолчат». – Так я и дождался своих. Потом мы с ней переписывались. Я позвал её. Она бросила всё и приехала. Вот такая моя судьба.

Мы с моим новым знакомым брели по улицам уснувшего города. Редкие пешеходы, не оборачиваясь, проходили мимо.

– Слава, приезжай ко мне в любое время, ходим на охоту, знаю хорошие места, – сказал Журавлёв шёпотом, – чем-то ты мне понравился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.